

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDZENie

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА
64-98

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

43—44

ФЕВРАЛЬ—МАРТ 1934 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: Л. ЛИПОТКИН. Признание СССР капиталистическими державами. — М. НЕТТЛАУ. Анархический прогресс путем непрерывной эволюции. — КОЛОКОЛЬЦЕВ. Безвластникам. — МАРК СТЕПНОЙ. Большевики и Россия. — А. Л. ГОРДИН. Национальное меньшинство. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Об анархической печати. — Резолюции и решения конференции групп «Пробуждения». Мелкие заметки и сообщения.

ПРИЗНАНИЕ СССР КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ И ДЕРЖАВАМИ

В первые годы после октябрьской революции, давшей большевикам возможность захватить власть в свои руки, Россия наводила страх и ужас на все капиталистические страны. Капиталистический мир не на шутку был встревожен происшедшей «пролетарской» революцией, боясь как-бы волны последней не докатились до широких берегов Европы и Америки. Буржуазия всех стран содрогалась, приходила в истовое бешенство, опасаясь революционного могущества русского пролетариата и крестьянства. В эти первые годы революции, в годы отчаянной борьбы с внешней и внутренней контр - революцией, большевики пользовались симпатией и поддержкой всех трудящихся мира. Тогда никто еще не подозревал измены революции с их стороны. В то время почти во всех странах Европы и Америки подни-

мались протесты со стороны рабочих против вооруженного вмешательства во внутренние дела России, против блокады и интервенции. И международный рабочий класс готов был выступить на помощь и в защиту русской революции.

Однако, мировая буржуазия скоро убедилась, что со стороны большевиков и советского правительства ей никакой опасности не может угрожать, так как пролетарская революция задумана самими большевиками и СССР представляет собой централизованное капиталистическое государство, которое основывается, подобно другим «национально - правовым государствам», на укреплении власти и порабощении трудящихся. И здесь-то большевики, потеряв надежду на мировую революцию и начав строить ленинский «социализм в одной стране», сами пошли навстречу успокоив-

шейся буржуазии, готовившейся одно время задушить революционную Россию.

Начиная с 1920 года, незадолго до того, как «гениальный» Ленин провозгласил в России вэл, т. е. открытое соглашение с частным капиталом, большевики решительным темпом устремились в дипломатические приемы буржуазных государств. Длвшийся около семи лет вэл помог сов. правительству стать на одну ногу с капиталистическими государствами, которые начали заключать с ним торговые, политические и дипломатические договоры. Со времени введения первой «пятилетки», т. е. с 1928 г., и до настоящего времени, СССР признали уже более двадцати крупных и мелких капиталистических государств. Но ни одна из до сих пор одержанных большевиками побед на «дипломатическом фронте» не считается ими столь огромной и великой, как признание СССР Америкой — страной, играющей в настоящее время первую скрипку в оркестре мирового капитала.

Одним из первых буржуазных государств, признавших СССР, было фашистское правительство Италии, а одним из последних — капиталистическое правительство Америки. Но все остальные государства, признавшие сов. правительство, действовали, подобно диктатору Муссолини и президенту Рузвельту, в строгом соответствии с капиталистическими интересами своих стран. И всюду, понятно, СССР признается по инициативе и расчету капиталистических держав.

Свои успехи на дипломатическом фронте сов. правительство объясняет двумя причинами: победой русской революции, перед которой, якобы, начинает гнуть шею международный капитализм, и нажимом пролетариата капиталистических стран на свои правительства в деле признания СССР.

Однако, подобное объяснение не соответствует действительности и есть не более, как сознательная большевистская демагогия, рассчитанная на то, чтобы отвлечь внимание рабочих масс от подлинного положения дел в России и заграни-

цей.

Известно, что капитализм никогда не изменял своим интересам ради интересов трудящихся. Капитал и труд — всегда непримиримые враги. И если в настоящее время капиталистические государства признали большевистскую власть, то совсем не потому, что они склоняются перед русской революцией, а потому, что политические и классовые интересы толкают их на признание СССР, как государства, эксплуатирующего дешевый труд трудящихся, и как нового капиталистического рынка, выгодного для сбыта лишних «производственных» товаров.

То же самое надо сказать относительно мнимой революционности и интернационального пролетариата, якобы добивающегося от своих правительств признания СССР. Уже больше не секрет, что за исключением незначительного коммунистического элемента, рабочие массы в Европе и Америке относятся враждебно к диктаторскому режиму СССР и они, следовательно, не могут стоять за его признание, которое к тому же диктуется исключительно капиталистическими и политическими интересами буржуазных государств. И если последние охотно заключают с СССР коммерческие и другие договоры, то это объясняется еще и той податливой политикой, которую сов. правительство начало вести в 1921 году, со времени так называемого вэла.

Захватив в конце 1917 года власть и подчинив хозяйственную жизнь страны своей диктатуре, новое большевистское правительство попало в тупик. На место разрушенной революцией буржуазно-капиталистической системы оно, путем декретов и законов, начало строить государственное хозяйство, которое, подобно капиталистическому, ставило трудовые массы в положение бесправных производителей-рабов. Рабочие и крестьяне, стремившиеся к полной свободе и независимости, не считали это «хозяйство» своим и добровольно не поддерживали его. Чувствуя шаткость положения, большевистское правительство, однако, не захотело отказаться от своей диктатуры и предоставить трудящимся воз-

возможность заниматься самостоятельным социалистическим строительством. Наоборот, с целью удержать свою власть, оно жестоко подавляло в массах всякую свободную идею и стремление к независимому революционному творчеству и в то же время искало себе поддержки в капиталистических странах. И постепенно, год за годом, большевистское правительство ввело Россию в капиталистическое русло.

По мере того, как развивается государственный капитализм в СССР и его правительство все более признается капиталистическими державами, иностранная буржуазия получает все больше и больше доверия к сов. правительству. Однако, она требует от него отказа от той революционной политики, которую оно вело в первые годы революции. И сов. правительство, конечно, спешит на уступки иностранным капиталистам: оно разрешило им некоторые концессии внутри страны; оно согласилось признать и выплачивать царские долги и оно также отказалось как от коммунистической пропаганды за границей, так и от борьбы против капиталистических государств, признавших СССР. А его недавнее признание со стороны Америки диктуется не столько коммерческими соображениями, сколько военными интересами на Дальнем Востоке, ибо в случае новой русско-японской войны, сов. правительство рассчитывает на помощь Америки, как своей возможной союзницы, и оно недаром опирает все ее военные планы, направленные против милитаристической Японии. И чем больше сов. правительство склонно к сдаче своих прежних революционных позиций, тем ярче обнаруживается его буржуазный контр - революционный сущность.

Признание СССР капиталистическими государствами проливает лишний свет на подлинную природу «единственной в мире пролетарской республики». Эта республика не рабочих и крестьян, как она ложно себя называет, а власть нового класса — социалистической бюрократии, приведшей страну к царству нового рабства, к царству сильно централизованного государственного капитализма, на дне которого на-

ходятся безправные и голодные массы трудящихся. Для этих последних безразлично — признание или непризнание СССР капиталистическими государствами, ибо их правовое и материальное положение останется плохим как в одном, так и в другом случае. Рабоче-крестьянские массы в течение ряда лет на горьком опыте убедились в преступной политике сов. правительства, обречшего страну на голодное существование благодаря вывозу за границу продуктов первой жизненной необходимости. И они также убедились, что есть, собственно, две России: большевистская и народная, и борьба между ними будет продолжаться до тех пор, пока не победит народная Россия.

Признание СССР капиталистическими государствами поддерживается, конечно, всеми большевиками, многими социалистами и вообще присяжными защитниками сов. правительства, но это признание никоим образом не может быть защищено анархистами, как противниками власти и диктатуры. В этом отношении ссылка на Кропоткина, как на авторитетного анархиста, выступившего будто в защиту признания СССР капиталистическими государствами, не соответствует правде и абсолютно не выдерживает критики. Достаточно внимательно прочесть его письмо к западно - европейским рабочим, написанное им весной 1919 года, во время «военного коммунизма» и гражданской войны, когда даже сами большевики не помышляли о признании СССР капиталистами, чтобы легко убедиться в том, что речь в нем идет не о признании сов. правительства европейскими государствами, а о содружестве народов и интернациональной солидарности рабочих. Интересы же народов и рабочих всегда противоположны интересам их правительств. И вообще, признание СССР со стороны анархистов, это — уклон в сторону давно обанкротившейся анархо - большевистской тактики, решительно отвергнутой всеми идейно-выдержанными и последовательными анархистами.

Л. ЛИПОТКИН.

M. NETTLAU.

Против утопий „переходного периода“

Анархический прогресс путем непрерывной эволюции

Иногда случается, что тот или другой анархист, совершенно искренно отчаяваясь в быстром осуществлении анархизма, превращается в сторонника идей «переходного периода». Он не видит, что неполный, искаженный социализм и без того окружает нас со всех сторон. Чем иным является диктаторский коммунизм, политическая социал - демократия, реформизм, заборизм и разнообразные другие виды невольной организации? Чем иным являются они, если не социалистическими достижениями, без надежд впереди, отвергшими свободу, как ненужную роскошь и тянущимися к государству, к вождям? Здесь искусственные рамки заменяют волю, инициативу, разумное согласование усилий, стремлений и способностей. Эти организации не обладают такими качествами, ибо им не хватает энергии, чтобы воспитать и упражнять их. Такой анархист не видит, что за этими недостатками и несовершенствами идеала открываются новые перспективы и встают новые люди. Видя, какое болото создали коммунисты и социал - демократы, эти люди верят, что все дело можно поправить силами высшей, всепроникающей власти, силами суровой государственности, которая каждого поставит на свое место и будет держать его на посту железными цепями. Идеал средневековой христианской церкви ныне стал реальностью в управляемых фашистами странах. Разве этого недостаточно, разве мы не стоим повсюду, где разлагается общественная жизнь, где вопаряется звериное начало? Эволюция идет вспять повсюду, где люди действуют под влиянием факта отступления от цельного социализма и сдачи им позиций, внешне практичной, близкой и осуществимой «постепенности», системе «выплаты в расщелку».

Система «расщелки» не оправдала себя в деловом мире, она создала иллюзии,

которые неизбежно должны были рухнуть в один прекрасный день. Такой же вред эта система причинила социализму. Истинные социалисты, обладающие стойкостью, являются в настоящее время очень редкими птицами, тогда как десятки миллионов социалистических избирателей, привлеченных тем или иным пунктом социалистической избирательной платформы, являются неустойчивыми и туманными нереальностями, подобными дыму.

После этого, введение идей «переходного периода» в анархизм являлось бы, со стороны тех, кто выражает подобные мнения, отречением от высокого идеала цельного социализма. Такое отречение является личным несчастьем для тех, кто в нем повинен, временным или хроническим уменьшением их силы как это бывает во время болезни, ослабляющей людей и отнимающей у них способности. Но разве мы видим тех, кого поражает болезнь, проповедующими, что их болезненное состояние является достижением, что оно есть настоящий путь, на который должны добровольно стать все? Нет, этого мы не видим. А между тем, именно к этому сводится защита идей «переходного периода» некоторыми из ее жертв.

Психологически поведение таких людей объясняется значительным различием и дистанцией между подлинной жизнью и той упрощенной формой, которую получают надежды и чаяния людей в руках приверженцев окаменевшей догмы. Даже такая полная надежды идея, как идея свободного развития и трудственного, солидарного сотрудничества разумных людей, свободных от бремени и цепей мрачного и жестокого прошлого, не всегда понимается, как просвет в новую и лучшую жизнь. Правильно понимая эту идею, мы можем содействовать ее осуществлению нашим собственным поведением, направляе-

мым этой великой целью. Однако чаще бывает так, что эта мысль понимается, как готовая система, которая может и должна убедить всех после социального переворота. А так как универсальность такого приятия анархизма кажется неправдоподобной, то анархизм отсрочивается, и придумывается «переходный период». Эти догматически мыслящие люди ждут, что такого рода переходная система будет принята из их рук всеми. Разумеется, может найтись много людей из числа тех, которые придумывают эти системы в настоящее время, или из числа тех, которые каким нибудь способом дорвутся до власти и смогут распоряжаться делами, — такие люди смогут создать, а в некоторых случаях даже на время укрепить множество разнообразных, искусственных и воображаемых общественных построек.

Такие действия являются в высокой степени авторитарными, эгоцентричными и лишены всяких гарантий, ибо при таком порядке один или несколько человек претендуют на точное знание того, каким ритмом должен развиваться прогресс, где именно люди должны останавливаться, чтобы отдохнуть в «переходном периоде». Здесь будет не только множество таких предложений и навязанных схем, но и, кроме того, эти схемы будут следовать одна за другой. Ибо, если возможна одна остановка в качестве «переходного периода», то почему бы не быть и нескольким таким остановкам? Короче говоря, все это является ничем иным, как игрой в правительство, управлением сверху, насильственным навязыванием, которое не приведет ни к чему. Доказательством тому служит извращение всей социальной жизни в России, Италии, Германии. К анархизму такой ход вещей не приведет.

Я, однако, обращаю внимание читателя на то, что уже в 1910 году Малатеста написал о чаяниях анархистов, о том, чего они, по здравому разсуждению, не могут ожидать, и о том, на что они имеют основание рассчитывать и что, следовательно, они должны поддерживать всеми средствами. Сошлюсь на его статью «На пути

к анархии», опубликованную 25-го июня 1910 года в "Le Reveil", в Женеве (Швейцария).

«Довольно широким распространением пользуется та мысль, — писал он, — будто мы, называющие себя революционерами, полагаем, что анархия должна придти сразу, как непосредственный результат возстания, которое насильственно ниспровергнет все существующее и заменит его новыми учреждениями. И, говоря откровенно, нет недостатка в товарищах, которые таким образом представляют себе революцию.

«Это предубеждение объясняет, почему столь многие добросовестные противники считают анархизм невозможным. Это объясняет также, почему некоторые товарищи, видя, что при нынешнем уровне морального развития народа, анархия не может придти быстро, колеблются между догматизмом, который ставит их вне действительной жизни и оппортунизмом, который заставляет их забывать на деле, что они анархисты и должны стремиться к анархии»...

Не является ли этот оппортунизм как раз тем, что делают сторонники «переходного периода» и что они советуют делать другим?

Малатеста продолжает: «Нет сомнения, что победа анархии не может быть результатом чуда и не может произойти в противоречии с всеобщим и непреложным законом эволюции, а именно, что ничто не случается без достаточной причины, и что ничто не может быть сделано, если нет достаточной для этого силы.

Если бы мы хотели заместить одно правительство другим, т. е. навязать нашу волю другим людям, тогда было бы достаточно собрать воедино материальную силу, необходимую для свержения нынешних угнетателей, и занять их место.

«Но вместо этого, мы стремимся к анархии, т. е. к обществу, основанному на свободном и добровольном соглашении, в котором никто не может навязывать свою волю другим и все могут поступать так, как им правится и добровольно содейство-

вать общему благу. Следовательно, анархия не может быть осуществлена окончательно и повсеместно, если все люди не перестанут желать, чтобы ими управляли другие, или чтобы они сами управляли другими, пока люди не поймут выгоды солидарности и не научатся умению творить общественную жизнь без тени насилия и принуждения.

«И так как сознание, воля и способности постепенно развиваются и находят возможность и способы развития в постепенном изменении окружающей среды, то отсюда следует, что анархия может осуществиться лишь постепенно, понемногу возрастая в силе и широте охвата.

«Таким образом цель состоит не в том, чтобы осуществить анархию сегодня или завтра, или через тысячу лет, а в том, чтобы идти к анархии сегодня, завтра, всегда»...

Никогда не лишне прислушиваться к Малатесте. Он не может более говорить, но я приведу несколько выдержек из его статьи «Постепенность», опубликованной 15 лет спустя в его журнале «Мысль и воля» (Рим) от 1-го октября 1925 года, — статья, которая была перепечатана множеством анархических газет и переведена на другие языки:

«... Анархизм может быть понят, как безусловное совершенство, и хорошо, если такое понимание всегда будет налицо в нашей мысли в качестве идеала и светоча, направляющего наши шаги. Но очевидно, что этот идеал не может быть достигнут одним прыжком, путем внезапного перехода от современного ада к чаемому раю.

«Авторитарные партии... могут поддерживать надежду (разумеется, тщетную надежду) что, захватив власть, они смогут подчинить всех и навсегда своей воле, силой законов, декретов... и жандармов».

Это невозможно для анархистов, обясняет Малатеста, как сказано в приведенной уже выдержке, но вместе с тем это не означает, — прибавляет он, — что мы должны ждать, пока все станут анархистами.

... «Наоборот, я верю, — и вот почему я революционер, — что лишь небольшое меньшинство, при особенно благоприятных условиях, сможет подняться до понимания анархии, и что было бы химеричным надеяться на всеобщее обращение в анархизм, если та среда, в которой процветают власть и привилегия, не будет изменена. Именно по этой причине я считаю необходимым, чтобы как можно раньше, т. е. как только будет завоевана достаточная свобода и как только анархисты окажутся достаточно многочисленными и будут обладать достаточными способностями для осуществления их идей и повсеместного распространения своего влияния, — мы организовались бы сами для применения анархии или той доли анархии, которая постепенно станет возможной.

«Ибо все не могут быть обращены одним ударом, и мы не можем жить изолированными; в силу жизненной необходимости и в интересах пропаганды, мы должны стараться найти путь к осуществлению наибольшей возможной доли анархии среди людей, которые не являются анархистами или которые являются таковыми в различной степени»...

В этой и других статьях Малатеста, как всегда, подчеркивает неотложную необходимость создания условий социальной, интеллектуальной и этической жизни, которые были бы благоприятны для подлинной, ударной и успешной анархической пропаганды. Он видел и указывал, что современная повседневная жизнь и жестокая борьба за существование, унижающая и разлагающая нужда, авторитарная практика управления сверху, процитивание повседневной жизни авторитарным началом, не дают возможности большому числу людей стать анархистами. Это подтверждается нашим собственным опытом. Путем самонаблюдения и наблюдения над нашими товарищами мы приходим к выводу, что в большинстве случаев особые и благоприятные условия и случайности превращают нас в анархистов, тогда как очень многие, живущие бок-о-бок с нами, подвергаются влияниям, которые делают из

рых властников или безразличных людей, или, наконец, очень, очень умеренных либералов и т. д.

Отсюда возникло убеждение Малатес-ты, что наиболее существенным делом является содействие всеобщему прогрессу и ускорение его путем устранения искусственных, злонамеренно создаваемых и уже ослабевающих препятствий, — таких, например, как власть во всех ее видах, как угнетающая эксплуатация, сделавшая народ неспособным поднять голову над повседневной рутинной и нищетой из-за умственного и физического истощения. Этот взгляд сделал Малатесту другом и участником всех революционных движений прогрессивного типа, больших и малых, и другом всякой реформы, — не в качестве сторонника тактики завоевания реформ, а просто в силу того, что реформы означают большее или меньшее приближение к лучшему, большее или меньшее увеличение энергии, могущей быть использованной для дальнейшей борьбы.

В таких лучших условиях пропаганда могла бы развиваться и углубляться, и тогда анархисты стали бы более многочисленными и могли бы оказать помощь в направлении дальнейших шагов вперед. Это сделало бы их «постепенно» (Малатеста не стыдился этого слова) социальным фактором, достаточно сильным для того, чтобы настаивать на праве вести образ жизни по собственному выбору, — не в качестве изолированной коммуны, но в качестве части общества, располагающей соответственной долей общественных средств производства и прочим социальным достоянием, и с помощью пропаганды и примера постепенно расширяющих сферу своего влияния до тех пор, пока они не займут места, — как мы надеемся, — соседних социальных групп в качестве наиболее совершенной и наиболее привлекательной общественной организации. Разумеется, в этой области возможны будут не один, а много методов либертариного сожительства, и только опыт устранил несовершенные методы и даст возможность усовершенствовать прочие методы.

Все это при условии, что другие общественные группы не будут вмешиваться при помощи власти, средствами контроля и принуждения. В последнем случае будут иметь место сопротивление и возмущения, неизбежные спутники пылких попыток контроля и принуждения.

По этому поводу Малатеста писал: «Непримиримо выступая против всякого принуждения и против капиталистической эксплуатации, мы должны быть терпимыми по отношению ко всем социальным воззрениям различных групп человечества, при условии, что они не будут причинять ущерба свободе и равным правам других групп. Мы должны довольствоваться постепенным прогрессом в той мере, в какой будет подниматься моральный уровень людей и будут расти материальные и интеллектуальные средства, которыми располагает человечество. При этом мы, разумеется, должны делать величайшие усилия, путем изучения действия и пропаганды, к тому, чтобы ускорить революцию в направлении ко все более высоким идеалам».

В статье 1910 г. Малатеста говорит также: «Каждый раз, когда власть ослаблена, каждый раз, когда удается большую долю свободы завоевать, а не выпросить, — это является прогрессом в направлении к анархии... «Каждая победа, как бы она ни была мала, рабочих над хозяевами, всякое усилие против эксплуатации, всякая доля богатства, отнятая у собственников и переданная в общее распоряжение, будут прогрессом, шагом по пути к анархии»...

Малатеста заканчивает статью указанием на анархию, как... «систему экспериментирования, перенесенную из области исследования в область социальных осуществлений». Это означает, что, подобно тому, как наука достигла такого огромного подлинного прогресса только с тех пор, как стала пользоваться методом опытов, подобно этому и практическая, справедливая, привлекательная форма социального общежития может быть результатом только свободной группировки и перегруппировки личностей и больших или малых социальных единиц, пользующихся свободой и

имеющих возможность по своему устраивать свою жизнь. Наука не могла прогрессировать до тех пор, пока была парализована властью, — властью религии, которая навязывала веру в семидневное сотворение мира и в неизменность видов, ибо Бог не мог, якобы, создать виды несовершенными и не сделать их неизменными. Наука была, кроме того, парализована авторитетом великих учителей и наставников вроде Аристотеля, а позднее, в 17-ом столетии, авторитетом таких людей, как Линней. Наука начала жить только тогда, когда подвижность, движение, развитие привиты были ей разумом свободных и смелых мыслителей. Точно таким же путем, влиянием таких же несвободных, неразвитых человеческих умов, политические и социальные системы получили неизменную форму, свыше освященную и постоянную, при чем оказывалось, что каждый поставлен на принадлежавшее ему место Божественной властью, или судьбою, или мудростью старых законодателей, или обычаями и установлениями, хотя держался он на своем месте только благодаря материальной силе, когда это соответствовало интересам тех, кто держал в своих руках власть.

Так наступило время, когда революции стали необходимыми для изменения этой принудительной неподвижности. Легче всего это было сделать путем политики и власти. Подобно тому, как иной возникает, сменивший старого возницу, попрежнему гонит и бьет ту же упряжку лошадей, так и смена правителей или смена их методов — вещь весьма простая, и как раз сюда относится французская народная поговорка: — чем больше все меняется, тем больше все остается по старому.

Лишь в конце 18-го века и в 19-м веке в науке зародилось понимание того, что успехи научной мысли требуют полной свободы, ибо, если одна какая-нибудь догма была признана неудовлетворительной, то почему бы догма, занимающая ее место, должна рассматриваться, как неизменная и постоянная? Здесь человеческий разум пробудился, наконец, полностью. То же

самое в значительной степени произошло и в области искусства, и, в более узком кругу, также и в области нравственности. Человеческий разум позднее всего и в наименьшей степени пробудился до сих пор в социальной области, ибо эта область тесно связана с жизнью людей, пользующихся удобствами, роскошью, высшим образованием, привилегиями и другими благами, которые владеющие классы все еще считают своим исключительным правом на вечные времена. Эти люди объявили свои права освященными Господом Богом, но это не мешает им чрезвычайно заботиться об охране этих прав силами государства, проще говоря, полицейскою силой.

Это упорство в самозащите тех, кто пользуется монополиями правами и привилегиями, привело к тому, что мысль об отнятии у привилегированных их привилегий путем социальной революции, внезапно народилась и стала распространяться. Эта мысль о внезапном перевороте, о политической революции нашла себе сторонников также и среди тех, кто, подобно анархистам, понимает, что такая внезапная перемена не может автоматически заставить огромное число людей уверовать в идеи, которых они раньше не придерживались. Анархисты не имеют никаких возражений против внезапного переворота, ибо он устранил бы величайшие препятствия — государственную власть и власть монополизированного богатства. Однако, их собственная задача не достигается и не завершается таким переворотом, она только начинается по настоящему и лишь при лучших условиях, чем прежде. Авторитарные же социалисты считают, что такой переворот дает в руки одной части их — той, которая успевает перехитрить другие фракции и нанести им поражение, — неограниченную власть, подобную той, которую одна из таких фракций захватила в России в 1917 году и до сих пор удерживает. Упрочение такой власти является смертельной опасностью для социализма, ибо такая система является препятствием там, где возникает величайшая

вперед. Такая власть немедленно становится консервативным фактором и получает лишь вынужденную неохотную поддержку со стороны лишь части народа, а потому вынуждена бывает прибегать к принуждению и жесткости для поддержания своей внешней и показной устойчивости.

Именно это должно случаться каждый раз, когда будет наступать, так называемый, «переходный период», придуманный искренними, но близорукими анархистами. Они желают содействовать великому социальному перевороту, развязать социальную революцию, чтобы дать народу глоток воздуха свободы — а после этого они предполагают обратиться к народу (или принудить его: кто знает, как они это устроят?) с предложением остановиться, не идти дальше, а вступить «в переходный период». Этот период, таким образом, является чем-то вроде Чистилища. Пробыв в этом «промежуточном периоде» (как долго? В каких условиях, и т. д.), они будут считаться созрелыми, или заслужившими того, чтобы когда-нибудь перед ними раскрылись врата рая, и чтобы они приступили к осуществлению анархизма. Эта мысль представляется мне одним из самых слабых, узких и непрактичных социальных воззрений среди тех, которые теперь в моде. Она не может быть обоснована, как это пытались когда-то сделать, на чем-либо, исходящем от таких людей, как Бакунин и Кропоткин. То, что писал Малатеста — и чего я не ому воспроизвести здесь полностью, — решительно опровергает ее. Но я приведу выдержку еще из другой его статьи («Еще о революции на практике»):

«(1) Анархия не осуществляется силой (Малатеста хочет сказать: не навязывается силой). Анархический коммунизм, применяемый полностью и дающий наилучшие результаты, возможен лишь тогда, когда широкие массы народа, содержащиеся в себе все необходимые элементы для осуществления более высокой цивилизации, чем нынешняя, понимают и добиваются его. Можно представить себе группы, живущие друг с другом и с дру-

гими сходными группами в отношениях, созданных добровольной и свободной коммуной. Было бы хорошо, если бы такие группы существовали. Наша задача в том, чтобы создавать их для опытов и в качестве примеров, но эти группы не являлись бы еще коммунистическим анархическим обществом. В гораздо большей степени они были бы примерами самоотвержения и самопожертвования во имя великого дела впредь до того времени, пока эти группы не станут включать большинство населения. На следующий день после насильственной революции, если такая революция случится, задача, следовательно, будет состоять не в том, чтобы осуществить анархический коммунизм, а в том, чтобы подвигаться вперед в направлении к нему.

«(2) Обращение масс в анархизм и коммунизм — и даже в самую умеренную форму социализма — невозможно до тех пор, пока нынешние политические и экономические условия продолжают существовать. А так как эти условия... увековечиваются с помощью грубой силы, то необходимо, чтобы они были изменены революционной работой сознательных меньшинств. Отсюда, если принять принцип, что анархия не осуществляется силой без сознательной воли масс, можно видеть, что революция не может быть осуществлена для немедленного и прямого установления анархии, а лишь для создания условий, которые сделают возможным быстрое развитие в направлении к анархии»...

Нуждается ли эта аргументация в дальнейших пояснениях? Мы явно представляем собой меньшинство. Наше желание таково: — не управлять, но и не быть управляемыми, а жить социально, не подвергаясь эксплуатации и никого не эксплуатируя, рядом с нашими собратьями: это и есть анархия. Мы эмансипировались сами — поскольку могли — от наклонности к власти, от веры в нее, которую столько могущественных факторов в прошлом и настоящем внедрили в каждое живое существо. Мы можем пропагандировать наши взгляды многими способами

но не может упустить из виду тот факт, что много миллионов людей, также инерсирующих социальными вопросами, в силу атавизма пошли по широкому течению авторитарного социализма, а другие миллионы остаются равнодушными и очень часто, как это показывают фашистские движения, оказываются пропитанными бешеной враждебностью к нам. В таких условиях ожидать, что мы привлечем к себе десятки миллионов пропагандой, означает тешить себя иллюзиями и топтаться на одном месте из года в год, от поколения к поколению. А ждать, что социальный переворот путем крушения капитализма или прямой социальной революции даст маленькому анархическому меньшинству физическое влияние или моральный вес в глазах сотен властнически настроенных и властнически предубежденных миллионов, — чистая химера. И надеяться, что все эти властники самопроизвольно пожелают осуществить анархизм, как мы его понимаем, также является химерой.

Никакое усилие воли с нашей стороны не устранит существующих различий и не сократит существующих дистанций. Но все мы можем содействовать созданию условий, которые позволят народу развиваться быстрее и нравственно и умственно, и только это начнет и ускорит выравнивание различий и сократит дистанцию. Вот что разумел Малатеста под «движением к анархии». Мы не можем силой загнать людей в анархизм, ибо это уташает самую идею анархизма — свободу, добровольность. Мы не можем убедить людей оптом. По крайней мере, до сих пор массы не приходили миллионами, чтобы слушать нас. Но мы можем и должны всегда содействовать созданию все более свободных и лучших условий, которые могли бы увеличить способность широких масс прислушиваться к голосам подлинной свободы.

Это улучшение условий может быть ускорено путем организации труда и повседневной работой организованного труда над защитой своих позиций, для завоевания лучших позиций повсюду, где это воз-

можно. Чего не хотят анархисты, — это сделать из сказанного вывод, что надо содействовать созданию синдикального режима, который мы теперь именуем «синдикальным государством», т. е. искусственному созданию устойчивости. Анархизм всегда будет означать подвижность, развитие, бегство жизни, а синдикальный режим захочет быть постоянным, могущественным, окончательным, совершенно тая, как и всякий другой режим. Я знаю, что именно это и есть «переходный режим», придуманный некоторыми, и что изобретатели иногда основываются на глубоких и широких симпатиях Бакунина и Кропоткина ко всем видам организованного труда и ко всякому солидарному действию рабочих. Ссылками на Бакунина и Кропоткина пытаются доказать, что они были бы сторонниками такого «синдикального государства». Оба теоретика одобряли всегда рабочих, когда они выходили из своей изолированности и организовывали британские тред-юнионы, Интернационал, французскую Генеральную Конфедерацию Труда, Испанскую Федерацию Рабочих, большие кооперативные федерации и т. д. Но они не больше стремились к громоздкой и устойчивой экономической организации, чем к «народному государству» германских социал-демократов. Они стремились уничтожить современные государства. Как же могли бы они, в качестве анархистов, желать создания новых промежуточных, «переходных» государств? Нет, они этого не желали, и ошибочно было бы пытаться создавать впечатление, что у них такое стремление когда-либо было.

Возможно, что когда анархизм будет действительно осуществлен путем массового действия, то первые свободные коммуны будут отличаться от всего, что было написано и сказано в течение столетия изучения и пропаганды. Возможно, что они будут несовершенны и примитивны, но они будут созданы живыми людьми на местах для их собственных надобностей, в меру их понимания, и такие коммуны будут развиваться, распространяться и со-

вершенствоваться путем сравнения и опыта. «Переходный период» должен был бы отличаться необычайной приспособляемостью, чтобы соответствовать требованиям в подобных условиях. А между тем, природа заранее придуманных схем такова, что они всегда оказываются весьма однородными и единообразными, всегда, поэтому, требуют центральных органов и управления сверху. Перед лицом этих фактов, Гриффюль, наиболее опытный и революционно настроенный секретарь Французской Генеральной Конференции Труда, социалист бланкистского толка, писал в 1909 г., что совершенно иллюзорными являются попытки предвидеть новые положения, создающиеся в ходе общественного развития, и пытаться применять к ним заранее придуманные схемы, в роде тех, о которых упомянуто выше. Кто, например, из числа наиболее передовых мыслителей Франции, людей вроде Дидро, Вольтера и Руссо, мог бы до 1789 года предсказать, какое направление примет Французская Революция? В самом деле, в 1789 или 1790 кто мог предсказать, что народные герои этих годов будут посылать друг друга на эшафот в 1793 и 1794 гг. В эти годы расцвета республиканского движения, кто мог предвидеть, что через 12 лет, во Франции будет создана Директория, появятся консулы и император? Кто в 1906 году, когда Генеральная Конфедерация Труда бросала вызов всей Франции, мог предвидеть, что несколько лет спустя и до сего дня она будет «одной» из самых тусклых реформистских организаций? Кто предвидел, что русская революция примет такое направление? — Поэтому пытаться рисовать план «переходных периодов» социальной эволюции, это все равно, что рыть маленький канал в песке и ожидать, что океан изменит свои течения и потечет по этому маленькому каналу.

Власть и свобода являются лишь двумя выражениями для понятий неподвижности и движения, смерти и жизни. Человек не может удерживать вечно развивающуюся жизнь, он может лишь дать некоторые

подобия ее в форме мысли, абстракции, слов. Она обычно стремилась навязать такие абстракции жизни, подчинить себе жизнь, регулировать, анализировать ее, упорядочивать ее. Это — власть схем над действительностью. Она причинила много вреда в ходе до-исторического периода и истории. Так создан был миф о богах, так человека обращают в раба и до сего дня. Позднее, другие абстракции стали господствовать над людьми: — власть, послушание, дисциплина, государственные соображения, являются именно такими абстракциями и наиболее жестокими орудиями тиранов, самыми верными выражениями их взглядов и злом для людей. Свободная мысль, наука, свободная общественная жизнь стремятся свергнуть власть этих отвлеченных идей над людьми; но их авторитарные противники снова выковывают эти цепи в наши дни, с более враждебными намерениями, чем когда бы то ни было.

В течение некоторого времени существовало, по крайней мере, четкое разграничение между авторитарными и либертарными идеями, внутренне непримиримыми. Такие уклоны, как «переходный период», являются попытками соединить их воедино. Против этих попыток либертеры должны решительно возражать и вести борьбу с попытками, исходящими из авторитарного лагеря. Жизнь, испытывающая влияние столь многих неисчислимых факторов, редко выполняет наши желания полностью. Если мы сами будем ослаблять и принижать наши чаяния, то от них немного останется. Мы не возражаем против каких-либо видов деятельности современного синдикализма и желаем им полного успеха, но никто, даже синдикалисты, не должен диктовать будущему, чтобы оно подготовило грядущее господство над жизнью человечества. Кто желает этого и трудится для этого, всегда может создавать лучшие условия для распространения анархических идей и для ускорения первых анархических осуществлений. Этим много сказано и это дает много надежд. Кто советует ослабить такую деятельность,

БЕЗВЛАСТНИКАМ

Мир насилья потревожим.
Ведь мы можем, можем, можем...
В. Брюсов.

Невольно вспомнились мне эти слова, присутствуя на лекции Г. Максимова. Послушать лекцию пришли старые товарищи, имена которых в свое время были широко известны в трудовой русской колонии. Встретились друзья минувших дней, соратники нашего бывшего славного движения.

И вот, глядя на этих старых друзей, на этих испытанных бойцов за идеал, мне невольно думалось: «А ведь у нас еще есть порох в пороховницах. У нас есть люди, способные работать на ниве безвластия. Вот, если бы этих людей объединить — какая сила была бы! Мы не ощущали бы недостатка в лекторах, страницы наших изданий не заполнялись бы случайным материалом. У нас всего было бы вдоволь. Устное и печатное наше слово звучало бы громко. В организациях наших жизнь была бы ключом. Проглаганда наша разносилась бы по всей стране».

Из жизненного опыта знаю, что на эти слова никто не обратит внимания. А если и обратит, то не иначе, как с усмешкой: чужак, дескать, человек! И тем не менее, мне все же хочется высказать то, что я думаю. А думаю я вот что: живем мы по принципу гоголевского, Ивана Ива-

новича и Ивана Никифоровича. Слово «гусак» ставим выше всего на свете. Прощегание наших идей для нас не так важно, как «гусак». Из-за «гусака» мы, подобно героям Гоголя, разбились на множество групп, каждая из которых в отдельности не может похвастать заметным успехом. Сказку о венке, которую мы учили еще на школьной скамье, мы проводим в жизнь в обратном смысле. Мы забыли, что сила — в единении. Мы благословляем раз'единение и раздоры в то самое время, когда на нас со всех сторон надвигаются темные силы.

Знаю, мне скажут: раз'единяет нас не «гусак», а идейные расхождения. Но я этому не поверю. Я слишком хорошо знаком с нашим движением и характером наших раздоров, чтобы думать об идейных расхождениях. Возьмем, к примеру, наши периодические издания: решительно никакого идейного расхождения нет! Каждая теоретическая статья, напечатанная в «Д. Т.», может быть помещена в «П.» — и наоборот. У нас были когда-то идейные расхождения. У нас были когда-то последователи каждой ветви безвластия. Но и тогда мы так не сторонились друг друга, как теперь. Мы работали более-менее сообща. Даже с такими идейными противниками, как большевики, мы иногда выходили вместе на демонстрацию. Многие из нас еще помнят 8-ое октября 1919 года, когда полицейские дубинки в Нью Йорке дробили кости и большевиков и наших товарищей.

Позтому я не верю, чтобы идейные расхождения (даже если бы они у нас были) могли копать такие глубокие рвы, какие сейчас заметны в нашем движении. Идейные расхождения обуславливаются умом, подсказывающим нам, что в идейных вопросах можно расходиться, но нельзя брать друг друга за чубы. Наши же теперешние расхождения обуславливаются чувствами, доходящими до белого каления от слова «гусак».

Руководясь мыслью о «переходных периодах», тот отнимает жизненные силы у нашей борьбы и тем вредит самому себе: однажды сделав шаг назад, он отрывается от всего передового и, вольно или невольно, будет отброшен назад, еще и еще дальше, пока не попадет в авторитарный лагерь. Надо побудить таких людей наново продумать этот вопрос и сделать выбор между прогрессом и регрессом.

М. НЕТТЛАУ.

14-го марта 1933 г.

Я лично знаю многих наших товарищей, работающих в тех или иных группировках. Знаю их прошлое, знаю настоящее, и не нахожу в них никаких идейных расхождений. Еще совсем недавно они работали вместе, но вот укусила муха, поссорились и разошлись. Это в большинстве случаев и выдается за идейное расхождение. Иван Иванович и Иван Никифорович, вырывавшие друг другу борозды из-за слова «гусак», тоже, с таким же основанием, могли бы утверждать, что они дерутся из-за идейных расхождений.

Нельзя отрицать, что чувство самолюбия играет известную роль в человеке. Но еще менее приходится отрицать, что это чувство иногда может погубить общее дело. В истории мы можем найти много примеров, свидетельствующих нам, что общие начинания кончались часто неудачей именно потому, что на первый план выступало чувство честолюбия. Это может случиться и с нами, если мы во время не задумаемся.

Реакция везде усиливается. Темные силы нападают со всех сторон. Голос правды в это время должен звучать особенно громко. Но как может наш голос звучать, если мы давим друг друга за глотку? Мы ведем борьбу не с общим нашим противником, а сами с собою. Я никогда не забуду одной карикатуры. Это было в 1913 году. Балканские страны, разбив Турцию, начали сами с собой воювать и в результате этого потеряли то, что им дала победа над Турцией. На картине изображены представители балканских стран, угощающие друг друга по зубам крестами (ибо они христиане). В стороне стоит Турция, рукоплещет дерущимся и потихоньку прибирает вещи, падающие из карманов драчунов. Драчуны — это мы, хлещущие друг друга идейными крестами, а Турция — наш общий противник, поживающий плоды нашей сумятицы.

Заключу тем, с чего начал — словами Брюсова: «Ведь мы можем, можем, можем». Действительно, мы можем. Мы могли бы сделать великое дело, могли бы

привести иногда пользу нашему идеалу, если бы прекратили ссоры и дружно начали работать — кто как может. Движение наше на фоне темной ночи засияло бы яркой звездой.

*** ЗАКВАСКА

(На лекциях Максимова)

Перечислив все партии и группировки и указав, как каждая из них старается спасти Россию и ее население — рабочих и крестьян. — Г. Максимов, наконец, остановился на себе.

— Как же мы хотим спасти Россию, т. е. кем мы должны быть для рабочих и крестьян? — спросил он. И тут же ответил:

— Мы должны быть закваской, брождением в рабочей среде.

Итак, Максимов не рабочая среда, а лишь закваска этой среды. С подобным положением может согласиться любой представитель, любого социального авторитарного течения. Даже монархисты, как сам Максимов указал на это, уже несколько умерили свои требования. Они уже готовы оставить советы, присвоив к ним царскую корону. Пройдет еще несколько лет и они, вслед за Максимовым, произнесут:

— Мы хотим быть только закваской населения России.

До сих пор мы смотрели на анархизм, как на учение о равенстве. Максимов это рассеивает. Он вводит дуализм в учение анархизма. Нужно ведь иметь в виду, что там, где есть брожение, там должно быть и то, во что это брожение вливается. Мы имеем в наличии два вещества, каждое из которых в отдельности не приносит никаких результатов. Дрожжи без теста ведь ничего не стоят, точно также и тесто без дрожжей не может дать хорошего хлеба.

Максимов берет на себя роль дрожжей, а роль теста оставляет для широких слоев рабочих. Не трудно представить, что получилось бы, если бы история пос-

душалась Максимова и составила общество из бродильных грибов и безформенной массы. Заартачились бы по какому-либо капризу грибки — и всему делу конец! Без бродила всякие там гречаники, как поется в украинской песне, на скоринци сели-б.

Надо, однако, полагать, что человеческий разум никогда не допустит разделения общества на бродило и безформенную массу.

Лев Черный в одном месте предостерегает рабочих, говоря, что после революции, когда люди начнут распределять труд, разные нахальники могут захватить себе выгодные должности, а рабочим оставить самые грязные работы. Это предостережение не теряет своего значения и в отношении лекции Максимова.

Максимов прихватывает себе лучшее положение, а нам, рабочим, оставляет худшее. Он хочет быть той силой, без которой мы — мертвая масса. Не знаю, как кто, но лично я не согласен быть тушью без сердца, чувств и ума. Роль постоянной рабочей пчелы, кормящей трутней (будут-ли они называться бродилом или другими именами), меня не очень-то привлекает.

Каждый человек должен быть всем: и физической и интеллектуальной силой. Беспольных существ не должно быть в обществе. Каждый человек — законченный мир (в относительном, конечно, значении этого слова). Каждый из нас — и дрожжи и тесто. Только так я понимаю анархизм.

Никаких отдельных заквасок. Все должно быть вместе. Все члены общества — труженики. Анархизм не отделяется от рабочих. Анархист — это рабочий человек, способный создавать не только материальные, но и идеальные ценности. Запахивая навоз, можно создать прекраснейшую позму и, после окончания вспашки, записать ее на бумаге. Физический труд (особенно если он свободный) нисколько не мешает умственному труду.

Учение о закваске уместно в автори-

тарном обществе, где одна всю жизнь не поет чудные мелодии, а другой чистит грязные ямы, но оно неуместно в свободном анархическом обществе. Анархизм не признает деления на овец и козлищ.

**

ЕДИНЫЙ ФРОНТ

На страницах «Рассвета» иногда читатели высказывают мнение о необходимости создания — здесь, в Америке, среди русской колонии — единого антибольшевического фронта.

Создать такой фронт нелегко. Да он и не нужен. Он вреден, ибо путает карты. У большевиков слишком много противников, и противники эти слишком разнообразны. Против большевиков выступают самые правые и самые левые представители общественных течений. Огонь и вода — как же их объединить?

Если в Европе, где вся русская колония подводится под общий знаменатель «белой эмиграции», нет единого антибольшевического фронта, то в Америке, где решительно нет никаких общих знаменателей, говорить о едином фронте — значит, пускать слова на ветер. Наша колония, прежде всего, делится на «старую» и «новую», затем — на верующих и неверующих, на монархистов и демократов, на националистов и интернационалистов, на социалистов и анархистов. Каждое из этих течений в свою очередь делится на несколько разветвлений. И если представителей всех этих течений впрямь в одну коляску — единый фронт — то получится то, что получилось у Крылова с лебедем, щукой и раком. Социалисты будут тянуть в воду, анархисты — рваться в облака, а монархисты — пятиться назад. Поэтому лучше раз и навсегда оставить всякую мысль о создании единого фронта.

Всякая борьба делится на две стадии: отрицательную и положительную. Каждая из выступающих против большевиков группировок стремится не только к низвержению большевиков, но и к замене большевистского строя чем-то новым. У каждой антибольшевистской группировки есть своя программа действий и программа со-

пизально - политического переустройства России. Поскольку речь идет об отрицательной части программы, т. е. самого акта свержения большевиков, здесь еще можно было бы думать о едином фронте. Но суть в том, что никто против большевиков не выступает исключительно ради того, чтобы их свергнуть. Каждая выступающая группа хочет вслед за свержением сов. правительства установить свои порядки. Вот это-то и мешает созданию единого фронта. Анархист ни в коем случае не захочет бороться за торжество монархизма, а монархист — за торжество анархизма.

Правые группировки, пожалуй, еще могли бы объединиться и выставить единый правый антибольшевистский фронт. Точно также могли бы объединиться левые группировки для создания левого фронта. Но ни в коем случае не могут объединиться левые с правыми, верующие с атеистами.

Целесообразнее поэтому оставить борьбу так, как она есть сейчас: каждая партия пусть борется самостоятельно, каждое течение пусть критикует большевиков с своей точки зрения. Лить воду на чужую мельницу никто не должен. Прогрессисты не обязаны помогать реакционерам, а реакционеры — прогрессистам. Не обязаны хотя бы потому, что такая помощь смерти подобна. Что немцу здорово, то русскому смерть — гласит поговорка. То же самое и здесь: что выгодно консерватору, то невыгодно радикалу.

Большевизм — зло. В этом не может быть никаких сомнений. Но нельзя терять голову, нельзя, отрицая одно зло, насаждать другое.

Особенно вреден единый фронт для анархистов, стремящихся к братской, свободной жизни, без подчиненных и повелителей. Анархисты уже пробовали выступать единым фронтом с большевиками во время русской революции, и что же получили за это? Ссылку, тюрьмы и полное разгромление движения. Анархисты везде и всюду должны вести самостоятельную

борьбу. Тогда им не страшны будут — ни победа, ни поражение.

Сказанное относится не только к русским, но вообще ко всем анархистам. Выступление некоторых еврейских анархистов с требованием создания единого фронта против Гитлера напоминает неоднократно выступление Черновца с планами создания единого антибольшевистского фронта. Черновец хочет объединить всю русскую колонию против большевиков, а еврейские анархисты — все еврейское население против Гитлера. В том и другом случае — крайности. Русские анархисты не должны объединяться с белой эмиграцией, а еврейские — с еврейской буржуазией. Все анархисты должны держать свои знамена чистыми.

На почве единого фронта сейчас в Европе идет горячая дискуссия. Недавнее выступление Милокова с докладом подняло целую бурю на страницах эмигрантской печати. Об этом докладе нам, по видимому, придется еще говорить. (Статья о докладе Милокова уже была напечатана в «Рассвете»), поэтому сейчас отметим лишь, что среди русских патриотов нашлись лица, готовые продать Россию (которую они очень часто называют Родина—Мать) за чечевичную похлебку лишь бы им была предоставлена возможность стать полноправными властелинами хотя бы одной какой-нибудь русской губернии. Они отдают Гитлеру всю Украину, Польшу — Западный край, Японии — Восточную Сибирь. Вот до чего доводит единый фронт. Идя вместе с Гитлером и японцами, эти патриоты распродают Россию оптом и в розницу. Никому не следует подражать им. Никому не следует распродавать то, что дороже всего для него на свете. Для патриота дорога Россия, и если он искренний патриот, он не станет торговать Россией. Для анархиста дорог его идеал, и если он истинный анархист, он не согласится на осквернение этого идеала.

Итак, мы приходим к заключению, что единый фронт для анархистов не нужен. Объединяться для совместных действий должны только анархисты с анар-

БОЛЬШЕВИКИ И РОССИЯ

(16 ЛЕТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ)
ДИСКУССИОННАЯ.

В течение 16 лет каждый день большевики, а с ними их вольные и невольные подголоски и сторонники неистово кричат о своих успехах «социалистического строительства». Каковы же успехи большевиков в «социалистическом строительстве» и в чем они выражаются? Что именно построили большевики за все время своей ДИКТАТУРЫ?

Большевики говорят, что они построили рабоче - крестьянское государство (как будто бы в постройке рабоче - крестьянского государства имеется что-то новое) и тут же заявляют, что Россией управляют рабочие и крестьяне. Так ли это на самом деле?

По писанной советской конституции современный строй в России считается республиканским и народу предоставлено право выборов, однако последние столь многостепенные, что советские низы могут выбирать только ближайшее непосредственное начальство да и то из ставленников компартии, главари которой придумали целую систему прожеживания, в результате которых получается то, чего хочет диктаторствующая головка: голосами низов «избираются» верхи. Верховная власть при-

надлежит Съезду Советов, но фактически за него действует Центральный Исполнительный Комитет, заменяемый Президиумом ЦИК'а, а последний Политбюро, сосредоточивающим в себе власть законодательную, судебную и исполнительную. Параллельно, с иерархией правительственных органов образована иерархия компартийная, начинающаяся внизу с комзачек и заканчивающаяся сверху Сталиным, который управляет компартией, а последняя страной. Таким образом в СССР наряду с писанной конституцией существует и практикуется неписанная конституция, по которой управляет Сталин, являющий собой неограниченного диктатора и деспота.

Отсюда видно, что управляют Россией не рабочие и крестьяне, а политические жулики, организованные в компартию и проводящие свою свирепую диктатуру. Диктатура же означает — безусловное повиновение власти, ее распоряжениям и приказам, хотя бы эти распоряжения и приказы были бессмысленными, глупыми и безумными. Из диктатуры получается трагедия народов СССР, ибо вероломные, ослепленные властью большевики, потерявшие СОВЕСТЬ и распавшиеся высшие ИДЕАЛЫ простой гуманности, Добра и Справедливости, считают, что им, как хозяевам России, все дозволено и все можно: лгать, обманывать, притеснять, воровать, казнить, обирать, сыпать, гноить в тюрьмах и совершать всякие другие подлости и мерзости. В насилии и терроре скрывается их чисто ЖИВОТНАЯ, звериная природа.

хистами — анархисты всех стран, разных национальностей — но не с анархистскими. Пусть последние ведут свою линию, а анархисты — свою. А жизнь сама покажет кто из них ближе к истине. Объединение возможно только для каких-либо чисто конкретных целей — устройство митинга, демонстрации и т. п. — и то лишь более-менее близких течений, например, анархистов с социалистами, но ни в коем случае не с монархистами.

Мысль о едином антибольшевистском фронте приходится оставить раз и навсегда. Эта задача невыполнима, не нужна и вредна.

КОЛОКОЛЬЦЕВ.

Террор, как таковой, в том числе и большевистский, имеет своей целью — страшать и ЗАСТРАШИТЬ человека. В методы террора применяются физические и нравственные воздействия. Наиболее универсальным является — битье кнутом, розгой, палкой, дубиной, резиной и другими орудиями пыток, причиняющими чело-

леку невыносимые физические боли и душевные страдания. Этот варварский террор, широко практиковавшийся в старину, не изжит и поныне. Тюрьма, мучение голодом, бросание человека из слишком высокой температуры в низкую являются другим видом устрашения. А результатом всех мучений — насильственная смерть от пули, штыка, ножа, виселицы или другого оружия. Кто же способен на подобного рода деятельность — гнусность, подлость, живодерство? Кто способен мучить человека, терзать его и, наслаждаясь, умищаться страданиями мучимого? Разумеется, только ИЗВЕРГИ, без души и сердца, потерявшие образ человека, — кровавый ЗВЕРЬ.

По официальным данным в СССР насчитывается свыше 160 миллионов человек населения, из которых 20 миллионов фабрично - заводских рабочих и 100 миллионов трудоспособных крестьян, если снять невероятную цифру в 40 миллионов нетрудоспособных, хотя ныне в СССР все работают — и старики и дети. Из 160 миллионов человек компартийцев насчитывается 3 миллиона, а остальные, несмотря на преследования, лишения и террор, имеют мужество отказаться от чести быть последователями Маркса, Ленина и Сталина. Из приведенных данных видно, что большевиков в СССР — ничтожная кучка по сравнению с общей массой населения и держатся они у власти посредством террора.

Кто же такие большевики — рабочие, крестьяне? По сведениям печати, правительственным декретам и проводимой компартийной политике видно, что компартийцы - комиссарствующая братия, состоящая из интеллигенции и бывших рабочих, — в большинстве своем — лодыри, вори, уголовные преступники или разбойники, составляющие собою кадры советских чиновников, чекистов, тайных и явных шпионов и провокаторов, из которых сам большевистский божок — Ленин сказал, что в компартии 99% подлецов и негодяев. Стало-быть, Россией управляют не рабочие и крестьяне, а ПОДЛЕЦЫ и НЕГОДЯИ.

Что компартийцы, действительно, подлецы и негодяи, об этом свидетельствует масса опубликованных как в СССР, так и за границей фактических данных.

Если бы Россией управляли сами рабочие и крестьяне, или, если бы русский народ целиком воспринял марксизм-большевизм с таким восторгом и восхищением, как об этом кричат большевики в своей лживой прессе и на митингах, то правителям СССР не было бы надобности строить новые тюрьмы, концлагери, ссылат на каторгу по миллиону и больше в год и расстреливать.

Из большевистской агитационной литературы мы узнаем, что СССР занял первое место в мире по добыче леса, торфа, льна, табака и сахарной свеклы, второе место по добыче нефти и машиностроению, третье по производству железа, четвертое — по углю и стали. Так ли это на самом деле?

До большевистского прихода Россия по обширности территории и обилию черноземной почвы, пригодной под сельскохозяйственные культуры, занимала первое место в мире по размерам посевной площади и лесным богатствам, второе место по залежам угля, железной руды, нефти и третье — по численности населения.

Здесь надо признать справедливым, что, благодаря беспрерывным ссылкам крестьян и рабочих на лесозаготовки и гибели сотен тысяч из них эксплуатация леса в СССР поставлена в ударном порядке на первое место. Что же касается добычи угля, то она с 3% общемировой добычи дошла за 15 лет только до 4%. В довоенное время добыча нефти в России составляла 16% общемировой, а в 1930 г. добыча ее в СССР составляла лишь 8%, а теперь опять заняла второе место. Производство стали составляло 5,6%, а в 1930 году оно достигло 5,8% мирового производства и занимает то же четвертое место. Если к этому добавить, что советская сталь плохого качества, то достижения большевиков в этой области хозяйства будут совсем не завидны. По статистическим данным в 1913 году произ-

водство чугуна и стали в России были следующие: 4,5 млн. и 4,75 млн. тонн, а в 1932 году: 5,5 млн. и столько тонн стали. Из этих данных видно, что увеличение продукции — незначительно: Соед. Штаты производили такое количество чугуна и стали 50 лет тому назад.

Текстильная промышленность, составлявшая в довоенное время 34% валовой производительности, не превышает и теперь довоенной нормы. Машиностроение идет у большевиков тоже из рук вон плохо. Нижегородский автомобильный завод, Сталинградский и Харьковский тракторный заводы не выполняют своих планов, как и московский АМО. Точно также легкая индустрия — ниже программных норм и не может снабдить население даже минимальным количеством ширпотреба. Производство сахара увеличилось на 15%, а экспорт за границу увеличился на 20%. Только в электрофикации России имеется прогресс, если не считать частых перебоев и «аварий» на электростанциях, и по данным статистики мощность всех силовых станций в СССР увеличилась в 4 раза по сравнению с довоенным временем.

Большевики хвастаются успехами железнодорожно-дорожного строительства, увеличившего протяжение путей на 45%, однако оно находится в запустении и не выполнено даже по намеченным планам довоенного времени. Подвижной состав советских железных дорог по количеству — меньше, а по качеству — хуже; число больных паровозов выше и содержание путей запущено, что отражается на скорости движения поездов и ведет к частым катастрофам.

По сельскому хозяйству дело у большевиков обстоит не лучше, если не хуже, так как урожайность с каждым годом падает. В 1913 году средняя урожайность пшеницы с 1 десятины составляла 54 пуда, в 1918 г. — 47 п., в 1920 г. — 33 п. и т. д., что указывает на истощение почвы при безалаберном ведении хозяйства. Заметно также сильное сокращение количества домашнего скота: лошадей, коров, свиней, овец и птиц.

По внешней торговле СССР занимает одно из последних мест. В довоенное время русский экспорт составлял 4% мирового, а в 1929 году всего лишь 1,5%; импорт также упал с 3 до 1,5%. За это время мировой импорт увеличился на 70%, а экспорт на 80%; в СССР же он соответственно пал на 20 и 40 процентов. На одного жителя в Англии приходится по экспорту 70 д. и по импорту 110 д.; в Соед. Штатах соответственно — 30,2 д. и 24,5 д., а в СССР — по 3,3 и 3,4 дол.

Из всего этого видно, что большевистская диктатура не только не улучшила положение рабочих и крестьян, но значительно ухудшила его.

По грубым подсчетам статистиков большевики завладели в России следующим достоянием: золото и драгоценности в Государственном банке 1,850 млн. золотых рублей; золотой запас Румынии — 350 млн. р.; золото и драгоценности, конфискованные в сейфах, частных домах, церквях и монастырях — 2,500 млн. р.; готовые изделия, фабрикаты и полуфабрикаты, хлебные продукты, сырье на фабриках и заводах — 4 млрд. р.; драгоценности царской семьи — 500 млн. р.; интендантские склады — 200 млн. р.; движимое имущество в городах — 2 миллиарда рублей, а всего на 11,400 миллионов золотых рублей. Сюда не входит стоимость торгового флота, подвижного состава частных и казенных железных дорог, под'ездных путей, живого и мертвого инвентаря, десятки тысяч дворянских и частновладельческих поместий и недвижимые имущества и сооружения, представляющие многомиллиардную ценность.

Получив огромное наследство, большевики почти все его разбазарили. Золота в Госбанке имеется на 40-50 млн. руб., готовых фабрикатов вряд ли найдется во всей стране на 25 млн. золотых рублей, а сырья на 30 млн. золотых рублей. От драгоценностей и движимого имущества ничего не осталось; советские кассы вместо золота наполнены ничем не значащими бумажками; жилые дома частью разрушены, а частью пришли в негодность; фаб-

рично-заводский инвентарь почти весь изношен, как и подвижной состав железных дорог и торговый флот. Кроме того, большевики еще и задолжались за границей на 2,500 млн. золотых рублей и население СССР — 12,500 млн. золотых рублей, несмотря на то, что они аннулировали внутренние и внешние долги. Вот какова хозяйственность большевистских диктаторов.

Все это подтверждают также и иностранные корреспонденты, находящиеся в Москве. Так, например, специальный корреспондент лондонского «Таймса», описывая нынешнее положение СССР, подтверждает многочисленные сообщения о голоде, провале пятилетки, недостатке продуктов и проч. Касаясь большевистских цифр об увеличении производства втрое, он напоминает, что 90% производства потребительских товаров, выделяемых кустарями, теперь почти исчезли и товаров производится ныне на 70% меньше, чем прежде. Задолженность СССР за границей исчисляется в 1,250,000,000 д. Экспорт из СССР сократился на 30%. Из сельско-хозяйственных и других машин испорчено 90%. Паспортная система — это террор, необычайно жестоко применяемый против рабочих и крестьян, желающих покинуть свои места; главное орудие ее голод. Корреспондент заканчивает свою телеграмму из Москвы следующими словами:

«Вся советская система ныне в наибольшем экономическом тушике в истории. Строгости советской цензуры не могут скрыть правды. Если не случится внешней войны, которой не сможет перенести этот экономический хаос, или открытый раскол среди лидеров в Кремле, то диктатура окажется устойчивой и миллионам людей придется страдать еще долго».

Как в области хозяйственной, так и образовательной у большевиков те же неудачи. В течение 15 лет комиссариат Народного Просвещения СССР пытался применить в школах «принципы прогрессивного образования» и из школ были изгнаны в 1917-1924 г.г. учебники и школьные предметы (1917—1926 г.г.), а в

практику преподавания был введен «метод проектов». Только в 1927 г. были восстановлены школьные предметы, а в 1933 г. — школьные программы и учебники. В 1931 г. ЦК компартии признал, что «коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей и что попытки положить в основу всей школьной работы так называемый метод проектов вели фактически к разрушению школы». В 1932 г. ЦК компартии предложил наркомпросу изгнать из школы «бригадный метод» и ввести систематическое преподавание школьных предметов и восстановить дисциплину. А относительно высшего образования ЦИК СССР в своем сентябрьском декрете говорит следующее:

«Значительное несоответствие программ основным специальностям и еще большее несоответствие между объемом программ и временем, отводимым на прохождение некоторых предметов; нет твердых учебных планов: большинство вузов, вузов и техникумов работает по так называемым переходным планам, при чем учебные планы и программы часто пересматриваются и в результате почти повсеместно отсутствует стабильность учебного процесса; программы не охватывают всего учебного процесса в целом и в особенности непрерывной производственной практики и лабораторных занятий студентов; во многих программах не отражены новейшие достижения техники и зачастую мало используется опыт крупнейших передовых заводов, новостроек, совхозов и т. п.; при распределении часов в учебных планах недостаточное время отводится для общетеоретических, общетехнических и специальных предметов (в среднем 60—70 проц.), в результате чего в ряде вузов и вузов из учебных планов совершенно исключены такие важные предметы, как физика и химия; в учебных планах часто не выдерживается правильная последовательность

предметов: программа в техникумах часто составляется путем механического сокращения вузовских и втузовских программ или просто путем их копирования: в учебных планах преобладает многопредметность, причем часть научных дисциплин чрезмерно и искусственно дробится на отдельные учебные предметы».

Чтобы яснее представить себе неувязки в СССР на общеобразовательном фронте, — приведем некоторые выдержки из советских газет. Вот, напр., газета «За Коммунистическое Просвещение» рассказывает в каких невероятных условиях находится школа в поселке Яйсен, Акбулакского района, Казанстана:

Когда вы заходите в школу вас обдает сквозняком, который дует во все «поры» школьного здания. Окна разбиты, парты все старые, распатанные и были построены еще до революции.

Во время дождя коридор и классы протекают, как решето. На уроках комья глины и мутные капли дождя падают на детские головы, на парты и тетрадки. В прошлом учебном году обвалились три доски с потолка и сильно ушибли двух учеников.

Сейчас в школе нет топлива, несмотря на то, что зима уже у дверей. На требование о топливе, член сельского совета Вепряков отвечает: «Дали же тебе лошадей, ну и купи бурьян для топлива».

О том, как воспитываются дети в большевистской школе, рассказывают «Известия» от 5 сентября 1933 года. Ученик московской школы написал «роман» о «Неуважении классов» и принес его в издательство «Молодая Гвардия» для напечатания. Передавая рукопись, 14-летний автор сказал редактору со скромной улыбкой:

— У нас в 7 группе уже читали. Здорово понравилось. Велели вам напечатать.

Сочинение написано на тему о колхозном строительстве, в нем и ударничество в поле, и классовая борьба, и даже любовь...

Вот, например, бригада колхозной мо-

лодежи вызывает на состязание стариков. Собрание. Держит речь лучшая ударница колхоза:

«— Вот что, бабоньки, — простыми и меткими словами сказала Федосья, — неуж-то молодятина нам носы утирать будет? Рук своих неужто нетути у нас?»

— Ай да Федосья, — закричали колхозники. — Вишь, что запугивала старая».

После собрания председатель колхоза отправляется раскулачивать кулаков. Путь его описывается так:

«Он вышел из калитки шмыкнул в маленьком переулке. Пройдя немного, перед ним открылся пруд, тот самый пруд, которого мы видели, как он засыпал в начале романа».

У пруда жил кулак. Председатель вошел в избу:

«Сын кулака бодро грыз ляжку курицы. Шеки его (у автора написано «сечки») так и ходили ходуном. Кулак шелкнул, (счелкнул) зубами, но обратился к Пахомычу добрым и приятным».

Читала ли этот роман преподавательница русского языка? — спрашивают «Известия». — Да, читала. Вот даже записка от нее в издательство. Она всячески рекомендует издать произведение своего лучшего ученика».

Автор статьи «Известий» отправился в эту школу и просмотрел вороха сочинений старших групп. Неудивительно, что «Неуважение классов» написана так безграмотно. Сама учительница пишет не лучше. В конце одного сочинения о Некрасове она написала: «Положение крестьянства не было столь страждущее, сколь изображает Некрасов». Орфографические ошибки в сочинениях еще кое-как исправлялись, но обороты речи, знаки препинания, согласования...

Негронутый, например, оставила учительница следующую фразу:

«Мишка отыскал в чемодане матери «Ком. манифест» тов. К. Маркса и начал пожирать слова подобно голодному волку пожирающий мелкую дичь».

Под этим сочинением значок препода-

вательницы «удовлетворительно», и следующая приписка:

«Значит, мало с собой работашь, когда сумеваешь делать столько ошибок».

Так борются за грамотность в московских школах.

А вот вам и «плоды просвещения», о которых рассказывает «Комсомольская Правда» от 4 сентября 1933 года. В СССР существует Всесоюзный картографический Трест, выпустивший к началу учебного года большую карту полушарий, о которой и повествует «Ком. Правда»:

Путешественник, который пользовался бы этой картой, наткнулся бы на снеговые горы там, где, по карте, должны находиться плодородные долины, и обратно. Самая высокая гора в Северной Америке Мак-Кинлей (6.200 метров) снабжена на карте отметкой: 200-500 метров. Вулканы на Гавайских островах, доходящие до 4.200 метров, снижены до 200 метров. Сравнены с землей и другие горные вершины, — своеобразная «уравнителька», обязанная своим существованием либо небрежности, либо невежеству составителей.

С границами тоже получилось нечто невероятное. Из государств удостоилось наименования лишь одно — колониальная Индия. Почему не С. Штаты, не Россия, не Англия, — неизвестно. Вовсе пропала Португалия. На карте она слита с Испанией. Зато по соседству обведены границы крошечной Андорры.

Еще хуже с морями, заливами, городами. Если верить карте, то главный город Америки Оттава; главный город Азии — Синганур, а в Европе... в Европе главный город Гибралтар.

О Париже, Берлине, Москве, Нью-Йорке составители карты не слыхали. Но на карту почему-то занесен Ниамей, не город даже, а маленькая деревушка в Нигере. Таким же способом может прославиться городок Лоанд, с тем только отличием, что попал он в Африку, тогда как на самом деле Лоанд — порт в Португалии.

Выводит эту халтуру форменный перл безграмотности и небрежности. При из-

мерении циркулем карты с неоспоримостью можно установить, что одно полушарие больше другого — на 200 километров.

Любопытно, что карта попала в школы. Ошибки заметили сами ученики. Карта выпущена огромным тиражом: в 40.000 экземплярах.

Приведем еще некоторые выдержки из советских газет, характеризующие современное положение в СССР.

РАБОЧЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Комиссия исполнения при Совнаркоме СССР, рассмотрев вопрос о положении дела жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства в Магнитогорске, Сталинграде (Кузбасс) и на Нижегородском автозаводе, установила, что «задания правительства в 1932 году выполнены совершенно неудовлетворительно, а развертывание строительных и особенно подготовительных работ к строительству 1933 года не обеспечивает выполнение годового плана. По городу Магнитогорску в первом квартале план выполнен на 72 процента, а в апреле только на 60 проц. По городу Сталинску в первом квартале план выполнен на 54 проц. Кроме того, до сих пор не выполнено постановление СТО от 17 сентября 1932 года об окончании строительства и сдаче в эксплуатацию в 1932 году водопровода, канализации и отопления. На Нижегородском автозаводе в первом квартале план выполнен на 56 проц., а в апреле — лишь на 48 проц.

Качество выполняемых строительных работ неудовлетворительное, вследствие чего ряд выстроенных домов дал неравномерную осадку и трещины. В некоторых домах отваливается штукатурка, протекают крыши, а отдельные дома в Магнитогорске и Сталинске из-за плохого качества подлежат переделке и капитальному ремонту».

(«Известия», 1 июня).

Магнитогорская панاما

В «Правде» 26 августа помещена следующая информация корреспонденция из Магнитогорска.

«Воры, жулики, растратчики и захитители общественной собственности свили уютное гнездо в магнитогорском отделении рабочего снабжения. Воров похищают, пользуясь их заслугами для устройства личного благополучия и сами порой запуская руку в фонды рабочего снабжения, руководители отдела: начальник Бондарев, его заместитель Ершов, заместитель Ершова, Сахарулидзе. Последний известен в Магнитогорске своими пьянками и дебошами.

Магнитогорский отдел успел за время своей деятельности понести убытков на 903 тысячи рублей, из них 400,000 руб. составляют растраты, или, как их здесь вежливо называют, «недосдачи». Нет ни одной торгующей единицы, где не было бы растратчиков либо в настоящем, либо в прошлом.

На 1 июля отдел имел в своем «активе» 87 выявленных растратчиков, из них 30 коммунистов... Никого из них не привлекли к ответственности. Большие того, матерая растратчица и пьяница Титова, привлекавшаяся к суду вместе с целой группой в 15 человек за хищения и растраты, снова принята на работу в отдел. Будучи заведующей магазином № 123, она в два приема растратывает 18,617 руб. и не только не исключается из партии и не привлекается к судебной ответственности, но, наоборот, выдвигается партийным коллективом и утверждается городским комитетом партии в качестве секретаря ячейки пригородных хозяйств отдела рабочего снабжения.

Член партии Прядко был осужден и отбывал наказание, после того снова принят на работу, и снова растратил около 3,000 руб., пьянствует, и никто к ответственности его не привлекает.

Секретарь комсомольской ячейки отдела, Казапов, сблокировавшись с кандидатом партии Яковенко, который заведует магазином, организовал систематическую кражу продуктов рабочего снабжения. Казапов воровал сдаваемые талоны, передавал их Яковенко. Этими талонами отчитывались перед отделом за разворован-

ные продукты.

За последнее время жулики, пользуясь притуплением бдительности партийных контрольных органов, настолько обнаглели, что начали воровать хлеб целыми подводами. Член партии Яценко, имеющий растрату в 11 тысяч рублей, вместе со своим приятелем, кулаком Аверкиным, организовал своеобразные обозы печеного хлеба, прямым путем — «хлебозавод-спекулянт». 14 и 15 июля они вывезли более 500 килограммов хлеба. Все это творилось и творится на глазах партийной организации.

Активная деятельность жуликов подкосила финансовое состояние отдела, не на что выкупать товары, прибывающие для рабочих.

18 июля прибывают три вагона рыбных консервов. Нужно 150,000 рублей, чтобы выкупить грузы. Денег нет. Бондарев, Ершов и Уваров (заведующие финансовым сектором) собирают деньги на предприятиях. Ремонтный завод получает вагон консервов и перепродает их Союзмолоку для реализации в ларьке завода. Ларек для быстрого оборота разбазаривает консервы кому попало по 50 банок. Рабочие консервов не получили.

Газета «За Индустриализацию» от 11 сентября приводит потрясающие данные о запущенности крупнейшего в России Коломенского завода и Сормовского:

«На заводе нет ни одного килограмма песка, — заявляет газета. — И заведующие цехами воруют песок друг у друга.

Запасы железа, чугуна, кокса лежат под открытым небом, под обильным дождем. Станки покрыты ржавчиной. В котельном, паровозо-сборном, паровозомеханическом, в болтовом цехе и в ряде других цехов зимой замерзли трубы. В болтовом цехе из-за этого не работали два месяца.

В цехах котельном, паровозо-механическом и болтовом крыша течет, стекла не вставлены, ворота не навешены. Тоже и в паровозо-механическом и в болтовом цехе.

В сталелитейной мастерской сушилки

№ 10 и 11 размыты дождем. Начиная от формовочного и кончая обрубочным цехом, дождь заливает трансмиссии и станки. Начальник цеха т. Носков привык к этим безобразиям. У него на счетном столике дождь размывает чертежи и бумаги...

Питьевой водопровод зимой почти по всему заводу был заморожен».

«В бараке № 7 живет больше сотни рабочих. Крыша раскрыта. Дождь заливает постели. Сушить белье нигде. Рабочий уходит мокрый на работу и приходит мокрый. Стены ничем не засыпаны, зимой они промерзают. Стекла выбиты, рамы не промазаны.

Та же газета сообщает о советских безобразиях на знаменитом Сормовском заводе, с каждым днем уменьшающим свою работу.

Почти за весь август завод — по общению газеты, выпустил только 10 проц. заданного по плану на месяц количества вагонных колес, а вместе с тем в 1933 году Сормово должно было бы выпустить 74,000 вагонных колес, т. е. «покрыть больше половины потребности страны».

О том, какие безобразия творятся на этом заводе, свидетельствует такая справка:

В колесопрокатном цехе скопилось готовых полуготовых колес, свыше 16,000.

2,370 прогульщиков в день.

Потеря рабочего времени на Сормове составляет не менее 30 минут в смене. В цехах Сормова ежедневно прогуливают 2,370 человек.

На заводе чрезвычайно часты аварии. За один только месяц 1933 года на 179 иностранных станках произошло 69 аварий и т. д.

Жулики в депо Москва Курской ж.д.

Под таким заголовком в последнем номере «Правды» (242) опубликовано следующее сообщение:

Паровозное депо Москва 1. Курской ж. д., — крупнейшее депо в СССР. Ударное и преимущественное снабжение этого депо имеет огромное значение для транспорта. Поэтому товары и продукты направляются сюда в первую очередь.

Направляются, но до потребителя, до рабочего доходят очень плохо.

Жулики и переродженцы засели в депо Москва 1, Курской и хитро сплетенной системой «усушек», «утрясок» и «утечек» расхищают продукты, срывая рабочее снабжение.

Что за люди руководят депо?

Начальник — Волков, член партии. В прошлом судился за халатность в деле снабжения депо. Работой Волков фактически не руководит. Всеми делами заворачивает его помощник Хромеев, тоже член партии. Сам Волков считает Хромеева жуликом, но покрывает все его делишки.

Хромеев и Волков купили для депо мебель на Изюмском паровозостроительном заводе и значительную часть этой мебели распределили бесплатно среди администрации.

Чтобы удобнее прикрывать свои личные делишки, Хромеев устроил на службу около себя своих родственников. В предпалатку депо он посадил свою жену кассиршей, а племянника продавцом.

«Свои люди» давали возможность Хромееву безконтрольно распорядиться продуктами; в то время, как например, рабочие получали по 500 гр. тушеного сала, члену местного комитета Михайлову отпущалось 5 килограммов.

Руководители депо не хотят ссориться с «влиятельными» лицами депо. А посему при каждом удобном случае этим лицам перепадает кое-что от махинаций Хромеева. Так, например, в конце прошлого года Хромеев закупил 15 вагонов картофеля для рабочих и 1 вагон распределил между своими. Незаконно получили картофель секретарь цехачейки Никитина, член месткома Михайлов, председатель месткома Шитин, инструктор парткома Фетисов, помощник начальника депо по массовой работе Богородицкий и помощник дежурного по депо Гаврилушкин. Вся эта публика неоднократно под руководством Хромеева, пьянствовала, устраивала пирушки и, конечно, прикрывала все преступления Хромеева.

И когда в марте этого года его пригласили, работающий помощником заведывающего столовой ном. 15, убежал с 8 тысячами рублей, казенных денег, это дело «замали». Бюро парткома сняло, правда, Хромеева с должности, вынесло ему выговор, но через три недели когда было организовано депо, Хромеев был назначен помощником начальника.

Все это привело к тому, что депо находится в руках жуликов и перерожденцев.

Специальный корреспондент «Правды» так описывает беспорядки, царящие на линиях Екатеринбургской ж. д. в № от 13 сентября 1933 г.:

«Это надо видеть, чтобы этому верить. В любом месте, где только проходят рельсы Екатеринбургской ж. д., где есть узловая или просто мало-мальски крупная станция, подойдите к ней и посидите несколько часов.

Ночь стелется над станцией. Дремлют запасные пути, клюют носом над столом дежурный, ржавый замок мертво висит на дверях телеграфа, безмолвны телефоны, безпризорны паровозы в депо. Заря. Солнышко поднимается и станционный персонал трудолюбиво копается на огородах. Носом понемножку собирается на службу. Сотни вагонов, доверху набитые хлебом, металлом, рудой, машинами, подгнивающими овощами, безпризорно стоят и стареют. Здесь у товарных составов безмятежно кудахчут стрелочниковы куры — до слеза клают просыпанное зерно. Ребяшки спокойно опорожняются на холоде год ватными дышниками, по опыту знают они хорошо, что никто не потревожит их до вечера. Только около столовой бодрое оживление, и из окна начальника станции вкусно пахнет борщом».

А вот еще немножко быта из «Комсомольской Правды» от 11 сентября 1933 года, в которой пишет рабочий из Измайловского поселка под Москвой:

«Нет в доме уборных, нет помойной ямы. Отбросы, зловоние, миряды мух. В вашем доме — 4 грудных ребенка. У всех — желудочные болезни.

В моей квартире в двух местах протекает потолок, осела печь — того и гляди, рухнет, вокруг косяков потрескались стены. А моя комната считается еще образцовой. В первом этаже топят печь, у нас, во втором, полно дыма. Но бывает и хуже. Во второй квартире капитальная стена самым недвусмысленным образом просвечивает. В доме напротив нашего (ном. 2) трижды в разных частях обрушивался потолок.

... Мы живем, как Робинзоны. Каждый сам себе санназор, сам себе жилищно-ремонтное товарищество, сам себе культпросвет. Мы даже не знаем, где мы живем. На конвертах вместо обратного адреса мы указываем градусы широты и долготы, так как иначе трудно назвать место жительства. Наши паспорта прописаны в подмосковном Реутовском районе, но в Реутове нас считают москвичами.

Нет рынка. За луковицей приходится отправляться за 5 километров, за литром керосина — за два, в баню или кино — и того дальше.

Внешний мир не входит ни в какие отношения с нами. Даже квартирлаты с нас не взимают.

Воду берем в кубогрейке вместе со строителями. Теперь в воде отказали. Никто даже не обещает организовать подвоз воды или провести водопровод. Остается брать гнилую воду, пригодную только для строительства (впрочем, и ее скоро не будет), или носить воду за несколько километров.

Нет света в домах и на улице, нет дорог (шоссе доведено только до половины поселка, раскинувшегося километров на шесть). Грязь уже сейчас непролазная. Даже грузовики тонут, а они все таки двадцатипятицильные. Надо побывать здесь, чтобы понять эти вещи во всей их мрачной полноте. Без дороги, в темноте (смеркается все раньше) приходится тащиться с грузом.

Пусть, нет трамвая, ну хоть бы свет, хоть бы тротуары для пешеходов!»

«Экономическая Жизнь», исследовав-

шая положение дел в колхозах, пришла к печальным выводам о разбухании административного аппарата: число колхозных чиновников во многих случаях в 4 раза больше установленные партийной количественности. Многие из чиновников никогда не доказываются на полях, но когда дело доходит до вознаграждения, то они забирают себе львиную долю урожая, а действительным труженикам воды достается лишь крошечка.

Так, например, в Шобойдаевском колхозе, Павловского уезда, на Северном Кавказе, только 44 процента из общего числа колхозников в 1,122 человек заняты работой на полях, остальные же люди составляют административный аппарат. Чиновников здесь больше, чем рабочих.

В Сталинском коллективе, Минского уезда, расходы на администрацию в текущем году поглотят одну треть дохода.

Расцвет бюрократизма, по замечанию «Э. Ж.», наблюдается не только в колхозах, но и в других отраслях промышленности. Бюрократизм представляет для советской индустрии большую опасность, нежели саботаж и вредительство.

По сообщению «Известий» от 18 октября хлопчатобумажная промышленность сдала за 8 месяцев 1933 г. — 350 миллионов метров недоброкачественных тканей и почти 100 миллионов метров совершенно потеряны из-за неумения хорошо использовать сырье. В первом полугодии 1933 года хлопчатобумажная промышленность должна была снизить себестоимость своей продукции на 1,2 проц. На самом деле себестоимость повысилась на 4,9 проц.

Совершенно неудовлетворительно поставлена окраска материи. Ткани быстро линяют, краска с них сходит после нескольких стирок. Выпускаемые на рынок ткани оформляются плохо и безвкусно. Фабрики выпускают ткани с аляповатыми, некрасивыми, бездарными рисунками, неудовлетворяющими вкусов потребителя.

На конференции работников прокатных цехов Макеевского завода технический директор завода Котельников в своем докладе сообщил, что «оборудование про-

катных цехов на заводе старое, изношенное. Прокатные станки плохо снабжаются запасными частями для текущего ремонта и находятся на аварийном положении. Клясть продукцию некуда. Если раньше на первое число каждого месяца на складах цеха оставалось очень мало готовой продукции, то теперь все склады забиты. Плохое положение с кадрами. Состав мастеров чрезвычайно слабый».

(«За Индустр.», 15 октября).

Мы могли бы привести еще массу других данных из советской же прессы, но это отняло бы много места. Полагаем, что достаточно и приведенных данных, из которых видно, как безобразно ведется у большевиков хозяйство и как тяжело положение советского труженика.

Если мы для большей полноты укажем еще на удручение большевиками гражданских свобод — слова, собраний, печати и т.д., на культивирование антисанитарных условий труда и жизни, на отсутствие врачебной помощи и медикаментов, на духовное выхолащивание и т.п., то картина хозяйничанья большевиков в СССР будет более ясной.

Отметим и приведем данные о том, что СССР рабочие и крестьяне не управляют. Вот что говорит московский корреспондент «Нейе Фрейе Пресс» — инж. Н. Басхес:

«Новые декреты уравнивали положение слепцов и их детей в правах с рабочими. При снабжении продовольствием инженеры даже получили некоторые привилегии. Образованный класс и в старой России занимал особое место. Признание советским государством этого класса показывает, что, несмотря на все преследования последнего десятилетия, он обладает большой жизненной силой. Но если в старой России интеллигенция была отделена от бюрократии, то сейчас обе эти группы в значительной степени совпадают. Советское государство, изменив отношение к интеллигенции, вынуждено было передать ей часть своей диктаторской власти. Инженеры и чиновники заняли влиятельнейшие места в государственном аппарате. И

пзгнать сейчас интеллигенцию можно только сломав весь государственный аппарат.

«Процесс Штерна также имел неожиданные последствия. На этом процессе в качестве свидетелей выступали два профессора, которые в 1922 году были активными противниками соввласти. Крыленко требовал привлечения их к суду. Ждали их ареста. Комячейка высшего учебного заведения, в котором они преподавали, потребовала изгнания классовых врагов. Однако, ЦИК партии не только восстановил уволенных на их места, но и подверг суровому дисциплинарному взысканию руководящих коммунистов учебного заведения».

Что касается советской действительности, то известный польский журналист А. Слонимский, побывавший в СССР, изображает ее в следующем виде:

«Русские живут в страхе перед собственной властью. Кроме опасности войны, менее страшной для огромных пространств России, чем для наших скученных в Европе городов; кроме опасности голода, все еще существующего в России, русские вынуждены жить с постоянной ежедневной бдительностью. Их жизнь похожа на жизнь солдата в окопах вне действия огня, но в неуверенности, не перенесет ли их ночь на передовые позиции. Каждый звонок, раздражающий ночную тишину, может означать обыск или арест. Каждая неосторожная фраза может быть причиной расследования. Злой человек располагает средствами, которые ему доставляет господствующий в стране террор. Поссориться с кем либо — равносильно ссоре с государством, ибо карающий аппарат приходит в действие от нажима любой дружины. Ссылка на Соловецкие острова угрожает многим, но наиболее распространенным в СССР является страх лишиться пропитания. На основании доноса или веледствие какой либо мелкой вины государство может лишить «пайка». Государство может выдать гражданину «вочный билет», может его столкнуть в ряды «лишущев». Государство является единственным работодателем, единственным

распределителем труда и пропитания и, поэтому, преступление против государства влечет пагубные последствия.

«В СССР невозможно представить себе бурю вроде той, которая возникла из-за Сакко и Ванцетти, невозможен даже резонанс, вызванный делом об убийстве Маттеоти. Общественное мнение неспособно ни на какие проявления по нескольким причинам. Прежде всего существует государственная монополия информации. Не существует ни независимой, ни оппозиционной печати. Несправедливость, совершенная по отношению к личности, чаще всего не является достоянием общества. Ответственность за все выступления против судов слишком велика, и прежде всего, люди слишком измучены и равнодушны к чужим несчастьям. Невинно осужденный в СССР лишен надежды на то, что смерть его вызовет волнение или протесты.

«Это равнодушие является невыносимой тяготой. Я думаю, что пройдут еще многие годы, прежде, чем в России возстанет уважение к жизни и личности и возмущение по поводу совершенной несправедливости. А между тем именно там, в стране, строящей новую коллективную жизнь и выступающей с обвинениями против прогнившего мирового капитализма, я хотел бы более, чем где бы то ни было, увидеть живое, страстное стремление к справедливости.

«Право личности все больше теряет свое значение в мире. Но это не пустое право. Голоса отдельных людей, проклиняющих свою власть, превращаются в силу. Прислушаемся к этим голосам. Кто знает, не значительнее ли эти самых прекрасных лозунгов, кто знает, не правы ли они, когда требуют прав для всех, независимо от принадлежности к тому или иному классу, народу или подоплестью».

СССР И БУДУЩАЯ РОССИЯ

Упразднение того или иного режима совершается различными путями или способами, из которых два доминирующих: 1) эволюция режима, т. е. уступка правящим населению и приспособление их к

Вкусом той или иной его части, дабы иметь опору и, продолжая властвовать, сохранить за собой командные высоты; 2) революция, т. е. насильственное ниспровержение существующего, но всем осточертевшего строя.

Как эволюция, так и революция не обходятся без предварительных выступлений авангардов трудовых масс — демонстраций, стачек, контр-террора, пропаганды и т. д. А что в СССР все эти виды воздействия на правительство существуют. — в этом нет никакого сомнения. Присмотритесь секретную хранилищу выступлений в СССР, их разрозненные вспышки, демонстрации, забастовки, устную и печатную агитацию и применение контр - террора — убийства комиссаров, партийцев и представителей красной жандармерии — ГПУ.

Как правительственный террор устрашает население и подчиняет его своей воле, так контр - террор устрашает вооруженных насильников и ослабляет правящих изуверов, дрожащих за свою шкуру. Вследствие этого теряется внутренняя спайка у органов диктатуры и в результате правительство принуждается к перемени курса внутренней политики. Если же правительство слепо упорствует, то возрастающие силы недовольства и негодования все больше ширятся, захватывая все новые круги населения, и при стечении роковых исторических обстоятельств «внезапно» взрываются и уничтожаются деспотические правительства.

Большевическое правительство, под напором внутренних движущих сил, не раз уже меняло свою внутреннюю политику и всегда сулило выгоды в новых обещаниях. Таким образом, с одной стороны «резонные» доводы, подкрепленные живыми обещаниями и вооруженной силой, а с другой — захлебывающаяся агитация такой же живой казенной прессы вместе с подавлением гражданских свобод, как искушение от лукавого, называемых «буржуазными предрассудками», — дают пока что большевикам возможность диктовать огнем и мечом свою волю обожаемому населению.

Однако, это не значит, что обман и террор большевиков будут длиться вечно. Ранно или поздно, но диктатура компартии рухнет, как здание, построенное на песке.

Негодование, злоба и ненависть населения к несправедливому режиму дойдут до своего последнего исторического предела: внутренние революционные силы, окрепнув, взорвутся, как пороховой погреб от спички, и похоронят разложившийся большевизм и его ненавистный режим. Критические моменты назревающего взрыва не раз надвигались на компартию, а особенно осенью 1931 года, когда Япония, начав военные операции в Манчжурии с целью ее захвата, дала большевикам по шее и в воздухе повисла угроза неизбежной войны. Почувствовав смертельную опасность, большевики ретировались, ибо война была бы началом конца их владычества.

Добавим еще, что апатизм между правительством и населением СССР значительно возрос за последнее время; репрессии власти по отношению к рабочим и крестьянам усилились и число жертв увеличилось; по достоверным данным число казненных большевиками за 15 лет своего владычества доходит до 4 миллионов душ, количество находящихся в ссылке на принудительных работах превышает 7 миллионов человек всех сословий, но наибольший контингент составляют крестьяне и рабочие; в то же время усилился контр-террор со стороны населения, и применение прямого действия изувечившимися обожженными массами.

Короче говоря, большевистский диктаторский режим может быть упразднен только движущими силами угнетенного народа ИЗНУТРИ, а не извне. Организованная революционная борьба, прямое действие — единственный надежный путь.

О том, какова должна быть форма новой общественной жизни в свободной России, скажем лишь несколько слов, не вдаваясь в подробности, которые заняли бы слишком много места. Поэтому напомним лишь основные положения.

Прежде всего устанавливаются все

гражданские свободы, широчайшая гласность и выборность вместо назначений.

Существующая государственная собственность объявляется общественной.

Из деревень, колхозов и совхозов изгоняются комиссары — назначенцы или они просто уравниваются в правах с остальным населением, причем деревни, колхозы, совхозы и т. д. становятся независимыми, самостоятельными единицами. Население само избирает своих представителей и исполнителей тех или иных общественных функций и поручений. Обработка земли производится коллективно или единолично, если какой-либо крестьянин не признает коллективной выгоды. Способы обработки земли — машинные, лошадиные и ручные в зависимости от местных условий и возможностей.

Сельские сходы или советы сами распоряжаются своим земельным фондом и выращивают те культуры, хлебные злаки, овощи и фрукты, какие соответствуют их климатическим и почвенным условиям, и не по глупому приказу из центра, как это делается ныне. В свободное от земледелия время крестьяне могут заниматься побочными или кустарными промыслами, а также саморазвитием и расширением своих познаний посредством книг, газет, журналов, лекций, докладов, кино и т. д.

Город же движет промышленность, развивает ее, совершенствует; он поставяет механиков, учителей, лекторов, машинистов, электротехников, агрономов, врачей и т. д.; снабжает деревню необходимыми товарами промышленности взамен на пищевые продукты, т. е. на предметы земледелия, скотоводства, огородничества и т. д.

Как земля переходит в собственность трудящихся на ней крестьянских обществ, так заводы, фабрики, шахты, рудники, мастиерские, лесные разработки, рыбные и соляные промыслы и т. д. и т. п. переходят в собственность рабочих союзов и самоуправляются на основе выборности, как и крестьянские общины. Союзы выбирают сами своих общественных представителей и исполнителей тех или иных функций или поручений.

Как сельские общины объединяются в районы, губернии или области, так и производственные союзы объединяются в районы и горсоветы. Совместно они избирают представителей в свои общие исполнительные комитеты.

Производственные и потребительские союзы и кооперативы, вместе с союзами путей сообщения и вообще транспорта, сообща устраивают распределение и обмен пищевыми продуктами и товарами промышленности.

Регулярная армия распускается. Она заменяется всеобщим вооружением на случай нападения капиталистических держав. Границы охраняются вооруженной стражей, находящейся в ведении Совета Труда и Оборона. В случае вторжения вражеских сил — сразу же объявляется всеобщее ополчение в приграничной полосе, а на помощь им доставляются вооруженные части из более отдаленных местностей.

Наркоматы не пользуются никакой властью и не являются самодовлеющими, а служат в качестве изыскательных общественных учреждений или консультантов.

Как внутренними, так и внешними делами ведает Всероссийский Исполнительный Комитет, ежегодно избираемый на Всероссийском Съезде Советов, перед которым он отчетывается и делегаты на который избираются всеобщим голосованием. Всякий член или депутат любого Исполнительного Комитета, замеченный в неблагоприятных поступках или упущениях, немедленно отзывается и лишается полномочий. Это избавит общество от возможных злоупотреблений и гарантирует свободу граждан.

В главном исполнительном органе — Всероссийском Исполнительном Комитете никаким законодательством не занимаются. Они выполняют лишь порученные Съездом функции, делая разработки проектов и внесения их после обсуждения в печати на утверждение Всероссийского Съезда Советов.

Такая система самоуправления, которая может быть значительно пополнена в общих положениях и разработана подробнее,

А. Л. ГОРДИН.

Национальное меньшинство

Совершенно иначе обстоит дело, где мы имеем наличие национальных меньшинств. Здесь меньшинство не есть что-то текучее, изменяющееся, восполняющееся каждый раз новым составом, а что-то стоячее, постоянное. Скажем в данной стране столько то немцев и столько то поляков. Поляки представляют большинство, немцы меньшинство. Эти отношения останутся на много лет одинаковыми, так как немец поляком не станет и поляк немцем не станет. Во первых, это затруднено психологически, во-вторых, общественное мнение относится с презрением к тому, кто делает такие перекочевания.

Здесь, на самом деле, имеем меньшинства. Эти меньшинства не классового, а этнографического характера. Но и здесь принцип пропорциональности достаточен почти для решения всех конфликтов и столкновений. Верно и тогда приходится здесь перейти от пропорциональности абстрактной к фактической, чтобы меньшинство само выполняло ее функции, не примешивая большинства, т. е. к разделу, но и этот раздел есть, в сущности, пропорциональность, доведенная до конца, до предела.

Речь пойдет о школах.

Если меньшинство потребует совершенно другую школу, то, конечно, здесь совершенно нельзя принимать во внимание мнение большинства, ибо, как сказано, понятие о большинстве и меньшинстве суть понятия юридические, правовые, меньшинство и большинство несуществовавшие до данного голосования и несуществующие в данном голосовании. Здесь мы же имеем дело с этнографическим явлением. И понятие о большинстве и меньшинстве

здесь не существует.

Считаю термин «национальные меньшинства» неправильным, меньшинство может образоваться из целого, нация, если она существует, то она образует целое, как целое оно равно другому целому, хотя второе целое больше ее количественно, многочисленнее.

Нельзя сказать, что человек малого роста представляет собою меньшинство сравнительно с рослым мужчиною. Нация, как таковая, должна быть представлена, как целое, на паритетных началах, пока она существует, или же ее надо совершенно игнорировать, делить, разделить ее на члены и трактовать последних, как отдельных людей, совершенно пренебрегая национальным принципом. Довольствоваться полумерами, полшагами, оглаждением каких то меньшинств — неправильно. Нация не вкладывается в понятие меньшинства.

Те вопросы, которые носят чисто национальный характер, должны обсуждаться внутри, среди членов данной нации, но не на общем законодательном собрании. Спорные вопросы, вопросы лежащие на грани сцепления или пресечения двух национальных истокостей, должны разбираться не в парламенте, а в международной камере, которая должна быть составлена на паритетных началах, в согласительных международных комиссиях. Парламент к этой роли совершенно не приспособлен. Парламент может иметь смысл там, где существуют однородные элементы, ибо сами выборы, если они общие и равные, говорят о том, что мы тут стоим на почве равенства политического, следовательно, и экономического, социального.

Там, где население расколото на враждебные или различные расколки не может функционировать такой институт. Там такой институт, призванный плохо или хорошо не хочу сейчас судить, — исполнять, отправлять функцию регулирования

МАРК* СТЕПНОЙ.

междучичных интересов, ведь он так основан, он апеллирует, в конечном счете, при выборах к отдельному члену общепития, игнорируя классы, нации, прочие группировки, — если спустить с внимания попытки введения пропорциональности, тем подчеркивая его равное отношение ко всем и, тем заявляя, что он оперирует равноусными и равнородными элементами — атомами.

«Национальные меньшинства» есть плод либерально - буржуазного шатания в этом вопросе. Насколько там есть «национальное», то оно целое, насколько же там элементы меньшинства, то оно не национально.

Обывательское и плоско - мецанское суждение видит «национальное» там, где есть, на самом деле, лишь человеческое, слишком человеческое.

Создать учение о национальном хозяйстве, и утверждать наличие такового у наций, не имеющих государства и не живущих обособленно — есть верх софистики, которого достигли некоторые доморощенные «экономисты» из латеря «серпис-тов» или сеймовцев, это бессмыслица.

Было время, когда «национальное», на самом деле, доминировало, но это время, к счастью, благодаря прогрессу общепития, давно ушло в вечность.

Тогда, когда национальное пронизывало каждого отдельного члена нации, когда, собственно, и не было этого отдельного, а была, существовала, функционировала одна нация. Национальное окрашивало всю жизнь, накладывало свой особый отпечаток на всю структуру хозяйства, на весь уклад жизни и в такой степени, и в такой мере, и таким образом, что немисливо было допускать сожителство двух наций на одной базе, на одной земле. Когда национальное покрывало собою социальное, тогда раса, кровь, биология сливались с физическими, с землей, с страной и с небом, с климатом, с погодой, с дождем, с флорой. Все было тогда национально и небо, и земля, и реки, и плодоносные, и не плодоносные деревья. Я уже сказал, что «национальное» — означало тогда социальное, а социальное означало

физическое, географическое, все сливалось в одно единственное неразрывное простое целое. В то время, два народа не могли ужиться на одной земле, под одним небом. Нация, племя, народ был тогда продуктом земли, географии. При равных географических условиях получались равные этнографические результаты. Жить в стране, значило жить национально, сообразно условиям туземным, коренным. Вся идеология была тогда тесно, неразрывно связана, сплетена с географией. Бог был Богом клочка земли, гористой местности, или низменности и проч. И недаром в пятикнижии Моисея так часто говорится, что если они, т. е. иудеи будут изгнаны и уведены в чужие страны, то они будут там служить чужим богам. Ибо жить было равносильно служению, культуре. Поэтому выселение покоренного народа было равносильно полнейшему его уничтожению. Быт был связан с местом пребывания.

Тогда национальное было все. Две нации различались во всем, в основных положениях общепития и они не могли ужиться, вперемежку, одна с другой.

Поэтому Моисей так строг и жесток, часто повторяя дикую формулу: «не оставяять в живых ни одной души» из тех народов, которые населяли до прибытия иудеев в обетованную землю. Ибо ужительство, сожителство, сосуществовать в пространстве, в территории было не возможно, как два предмета не могут занимать одного и того же места в физике. Нация, народ тогда представлялся чем-то целым, нерасчлененным и, следовательно, совершенно непроницаемым. В порыве не могли вникать чужеродные элементы. Нация представляла совершеннейшее единство. Тогда народ на самом деле был единым организмом. После связь стала слабеть. Национальное пошло на убыль. Разрешено было селиться среди другого народа и разрешено было принимать чужих. Запрет касался лишь бракосочетания. В Греции казнили чужестранца, участвующего в законодательном конгрессе (Руссе). Раньше же бывало су-

дят, казнят, вообще, всякого чужого, ибо одно его проникновение в чужую среду считалось смертным преступлением.

Торговля, обмен, международные сношения, и в первую очередь войны и, как их следствие, рабство разбили замкнутый круг народа, привели его в беспрепятственное соприкосновение с чужими элементами. Завоевание стран и народов, которые так манили своими выгодами, пробили брешь в стену замкнутости народа.

Национальное, расовое пошло вниз, а социальное вверх. Национальное деградирует, вырождается, с двух сторон подтачивает это начало, «международное» ее подмывает, и, с другой стороны, истинно самобытное «индивидуальное». Идея о разнородном, о самобытном, о самостоятельном находит свое истинное воплощение в индивидуализме. Национализм теряет на наших глазах всякий кредит. Индивидуализм и интериндивидуализм, который расширяется до пределов универсализма, делает совершенно лишним и ничемным всякий национализм.

И на самом деле, нации представляются собой остаток былого величия, последние тучи на небе универсализма рассеяны бурей, вражды, разрозненности. Буржуазия их сохраняет с умыслом, с целью создания единства между враждующими, сталкивающимися элементами внутри нации, государство поддерживает национализм, толкая его как шовинизм и патриотизм, но это не поможет. Над нацией, над национализмом слышен шелест крыльев ангела смерти. Нация на наших глазах умирает, отмирает. Существует одно государство, охватывающее целый ряд народов и скрывающее их своими цепкими лапами в одно целое.

Самоопределение народов, образование национальных государств есть последняя агония этой идеи. Так свеча, догорая, перед потуханием, делает усилие и воспламеняется ярким пламенем и, истощившись, умирает спокойно.

В этом самоопределении черпает и государство свое оправдание, здесь хотят

спрятать ключ от государственного замка, которым они закрывают всех отдельных.

Но и этим актом государство только вскрывает свои изъяны, свои слабые уязвимые места. Нация и государство играют со своим ангелом смерти, который все таки творит свою историческую миссию.

И, в действительности, столкновения наций в парламентах, по существу, ничего не стоят, ни к чему не сводятся, если не считать культурных вопросов и национального самолюбия и тщеславия.

Раз нации могут ужиться вместе, могут жить вперемежку, то проблема теряет свою яркость, свою остроту, несмотря на все старания националистов раздуть ее, представить ее в виде основной социальной проблемы. Национальное держится где-то на последних позициях, оно собирается в путь дорогу, в царство прошлого, оно хранится в сферах культуры, там оно задерживается и оттуда оно скоро будет оттеснено личностью.

И поэтому, собственно, создалось у буржуазии, в буржуазных парламентах что то на подобие учения о национальных меньшинствах и создалась даже какая-то политическая парламентская практика этих меньшинств.

Национальное перед отходом на покой немного пошалливает, поднимает иногда шум, обструкцию в парламенте. На деле оно осуждено ходом истории.

И национальные меньшинства образуются и борются с большинством, главным образом, в вопросе о школе.

По нашему, как выяснено, это не здоровое явление. Национальное не может образовывать меньшинства, или оно целое, или оно ничто. Целым оно должно быть, разумеется, не во всем, ибо в социальном, очень мало национальных элементов даже сейчас, принимая во внимание не динамику национального, а чистую статику, и лишь в своей сфере.

Итак, касательно национального нельзя применять общие понятия о меньшинстве и большинстве, а следует руководствоваться временно, пока нации еще су-

шествуют, принципом равенства целых и пропорций.

Нации еще существуют, но они деформируются. Национальное есть вырождающееся явление. Индивид, проснувшись от многовекового сна, выдупливается, как итенчик, из национальной скорлупы, индивид согретый человечеством становится сыном мира.

Все против нации, ничто не за нее. Она сдает свои позиции, она идет по покатой плоскости к полнейшему исчезновению.

Национальное равносильно варварскому. Оно должно быть и будет одолено универсальным. Солидарность, отражение связи и взаимной сплетенности людей, индивидуальность, охватывающая почти все стороны человеческой деятельности, ширится и растет и теснотой ей покажется мир и вселенная. Человек тянется к звездам, к иным мирам, хочет стать воз-

духожителем, небожителем, а не ползучим червем по матушке земле.

Человек, не умея сам селиться на небеса, колонизировать воздух, населяя его мифами, духами, легендарными существами. Человек уже реет по поднебесью, он осилил межи и рубежи, отделяющие территорию от территории.

В воздухе нет родины. Небо знает одну родину, стихию, безконечность. Вырос человек из пеленок своей нации. Пора ему обнять человечество.

Индивид рождается, пора нации умереть.

Меньшинства и большинства сложатся из индивидуального, из различных мнений и их взаимостолкновений, а не из «национального», застывшего, закаменелого состояния.

Меньшинство и большинство будут текучи, как волны мысли, как колебание сомнения.

СВОБОДА

В твоих очах, Свобода, вечно
Сияет свет спасавший мир.
И пусть сразишь ты нас, но верить
В тебя не перестанем мы.

Джон Гэй.

Тот чтит Христа, тот восхваляет Будду;
Иные верят в Истину-Добро.
А я в свою Свободу верить буду
И буду петь восторженно ее.
Свобода—правда людям от природы,
Влечение к ней—естественная страсть,
Кто любит Истину, тот любит и Свободу
И презирают гнет, и ненавидят власть.
Неволей злой замучены народы
И мир людской, как тесная тюрьма;
Вся жизнь моя—служение Свободе.
Упорный бой за торжество ее.

Царит закон чуждый и жестокий,
Тиран вершит расправу над толпой;
Но люди ждут и с верою глубокой
Они пойдут, Свобода, за тобой.
К тебе невольник устремляет взоры,
Перед тобой трепещет властелин.
Твои враги клеймят тебя, позорят,
Грозят тебе ножами гильотины.
Свобода! ты, как солнце, одинока,
Богами проклята, непонята людьми.
Но, как звезда светившая пророкам,
Ты нас ведешь на светлые пути.
И мы идем, бунтуя и страдая,
На смерть идем, как на веселый пир...

В твоих очах, Свобода дорогая,
Сияет свет спасавший грешный мир.

Анатолий Консе.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Об анархической печати

«Исход борьбы будет зависеть не столько от ружей и пушек, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть, в особенности, от созидательных общественных сил... и от нравственного влияния преследуемых целей».

П. А. Кропоткин.

Анархическая печать начала в последние годы принимать часто характер скорбных листов, полных жалоб на существующие условия индивидуальной и общественной жизни, местами в которых рисуются самыми яркими красками ужаснейшие картины из жизни рабочих и крестьян и яркими красками расписываются нищета и страдания рабочих в их борьбе с предпринимателями за немедленное улучшение, где отображаются вся беспомощность и все безнадежное положение трудящихся при современном строе и где не видно ни зги разсвета, ни луча надежды для обездоленных. Все в этой жизни покрыто сенью смерти, безнадежности и мрака.

Эта скорбная летопись безнадежных и безрезультатных усилий трудящихся масс в их борьбе за свое освобождение от эксплуатации и принуждения повторяется изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год и производит, в конце концов, на читателей удручающее впечатление и, часто приводит многих из них к отчаянию.

И одни, более сильные духом, бросают на самые отчаянные, необдуманные и часто бесполезные и даже вредные одиночные акты. Другие впадают в пессимизм и уходят от идейной активности. А третьи, духовно слабые, приходят к трагичному отрицанию этих идей, бросаются в обильные реакции и превращаются в самых ужасных врагов и преследователей своих вчерашних товарищей по идее.

Тогда одно или другое анархическое издание прибегает к защитным сло-

вам, старается криком, а часто и руганью воодолеть своих приверженцев и внушить им нежного веры, оптимизма и энергии.

Но ведь жизнь составляется не только из одних страданий, преследований и борьбы. Она — полна радости и света, несмотря на все ухищрения власти и капитализма. Солидарность, любовь, взаимность и самопожертвование зарождаются, растут и цветут на каждом шагу жизни и деятельности всех людей.

И если жизнь не угасает и не чахнет, если человечество идет вперед гигантскими шагами, то не потому, что существует власть или капитализм или совершаются революции: рождение новых форм взаимоотношений между людьми, а, главным образом, потому что в умах и чувствах людей зарождаются новые более возвышенные стремления, новые моральные устои и идейные понимания, которые приводят людей к действию и толкают их на революционную активность.

Вот эти то проявления жизни на каждом шагу, эту тихую, медленную или ускоренную, каждодневную идейную и нравственную работу руководители анархической прессы, по большей части, не видят, или не хотят видеть.

А ведь самое важное назначение прессы в том именно и состоит, чтобы выявлять эти тенденции к нравственному, личному и социальному совершенствованию в людях, отмечать эти признаки зарождения новых взглядов и идей и новой морали, отображать признаки накопления этих сил будущего и их превращения в социальное действие; отмечать нарождения нового сознания в людях о человеке, обществе и человеческих взаимоотношениях; шаг за шагом следить за ростом в массе человеческой этих явлений, которые проявляются всегда, независимо от временных тенденций и уклонов этих масс, и увлечь человека-читателя к познанию жизни, заставить его чувствовать себя единым с будущим сердцем всего человечества,

почувствовать себя зараженным этим чувством бунта против существующих несправедливостей и слиться воедино с другими в этих попытках изучения возможностей будущего и выработки новых форм жизни. И, наконец, чтобы и он сам начал практиковать солидарность, взаимность, любовь и самопожертвование.

Ибо успешные социальные перемены зарождаются и вырастают из надежды, а не из отчаяния. К новому человеческому будущему ведут любовь и взаимность, а не ненависть и злоба.

**

Анархическая пропаганда строится не на классовой или групповой теории, и методы этой пропаганды базируются не на громких и крикавых словах или красивых фразах и демагогии. Еще меньше она может базироваться на возбуждении мелких интересов одной или другой группы или даже касты или класса.

Великий общечеловеческий идеал анархии требует человеческих и моральных методов. А такая работа может быть сделана только нравственно — развитыми личностями, — анархистами, для которых анархизм не только великий идеал будущего, но и нравственная база для их настоящей жизни и активности. Такие личности не только будут прекрасными носителями и пропагандистами идей анархии, но и великими творцами великого и прекрасного человеческого и общественно-го будущего.

Исход социальной борьбы будет зависеть меньше всего от уличных столкновений или ружей и пушек, а больше всего от подготовленности масс к социальному строительству на антиавторитарных началах, от той идейной и творческой силы, которую они приложат на практике и того нравственного влияния, которое эти идеи и эта активность окажут на остальные человеческие массы.

Поэтому в основу активности анархистов должна быть поставлена идейно и нравственно развитая личность, независимо от того, как она будет интерпретиро-

вать отдельные частные или общие общественные вопросы и какие методы будут ею употребляться для проведения в жизнь своих понятий и идей, если, понятно, они не находятся в противоречии с основными принципами анархизма.

И вот почему анархизм всегда апеллировал и апеллирует к личностям и к сознанию человека, а не к его чувствам; будит в людях любовь к жизни и к человеку, ко всякому человеку; пробуждает в человеке стремления к более прекрасному и великому будущему, а не играет на временных интересах или чувствах классовых, групповых или партийных.

Анархизм — величайший и прекраснейший идеал человечества, а анархист — великий мечтатель и борец за этот величайший и прекраснейший идеал.

И для осуществления такого общечеловеческого идеала необходимо, чтобы этот идеал проник во все слои человечества, даже и в те, привилегии которых нужно будет разрушить. Ибо анархизм борется не за интересы той или другой группы людей, а за свободу и благосостояние всех без исключения и всего человечества.

Разработка идей и подготовка общественной мысли нужны и необходимы для выработки высоконравственных и идейно подготовленных личностей, но также и для заражения этим великим идеалом и этой нравственностью привилегированных классов и групп.

Ибо анархизм — идеал всех людей и всего человечества. И анархисты борются не за власть для себя или за интересы групп или классов, а всех людей без исключения, всего человечества. Анархисты не только против власти других, но и сами не хотят властвовать: отрицают право на привилегии не только для других, но и для себя самих. И все обладатели привилегий должны будут так же найти место для себя в будущем анархическом обществе.

Анархизм в своей сущности есть не что большее, чем простой способ действия, или свободного общества. Он прежде всего — нравственная база для всей

человеческой жизни и активности.

Быть анархистом, это быть великим идеалистом и высоко — нравственно развитой личностью, видящей в свободе всех основу для сношений между людьми и в благе других ищущей свое собственное благо.

**

Анархизм — идея оптимистическая и анархисты — большие оптимисты во всем. Из изучения природы и жизни человечества они видят, что человек по своей природе не плох, а наоборот — общительное существо и полная энергии и избытка сил личность, ищущая в чем проявиться и где бы приложить свою энергию и избыток сил. И поэтому всю свою деятельность базируют на активно действующей личности, а не на механически собранных в организации массах.

Вся анархическая активность поэтому базируется на личной инициативе и индивидуальной и групповой активности. И в то время, когда политические партии или массовые организации базируют свою активность на общих классах и миллионных фондах, анархисты базируют ее на личностях и на их инициативе и активности.

«Постоянно в моей жизни, — пишет П. Кропоткин в свих «Записках Революционера», — я слышу жалобы передовых партий на недостаток средств, но чем больше я живу, тем больше убеждаюсь, что главное затруднение не в недостатке денег, а в недостатке людей, которые твердо и неуколебно шли бы к намеченной цели и вдохновляли других... Для газеты, как для всякого другого дела, люди — дороже денег».

И действительно, активность анархистов измеряется всегда не деньгами, а их деятельностью и предприимчивостью. И часто группы количественно незначительные, оставляли за собой громадную неизгладимую активность. Вообще активность анархистов всегда зависела не от количества активных людей, а от их качества.

Да и сейчас имеется не мало таких фактов во всех странах мира. Небольшие

численно группы делают неизмеримо громадную и полезную работу, в то время, как многочисленные организации не оставляют почти никакого следа от своей активности.

Целый ряд лучших анархических изданий в Швейцарии, Австрии, Испании, Франции, Англии, Северной Америке, Японии, Китае, Болгарии и других странах существуют благодаря усилиям небольших идейных групп и отдельных личностей уже много лет и пользуются громадным влиянием среди масс и среди идейных работников. И действительно, они являются самыми лучшими среди анархических и даже, вообще, социалистических изданий. Ибо хотя часто эти издания бедны количеством, по своему объему, но за то качественно, по своему содержанию, они несомненно богаты и неоценимы.

Лишь были бы люди нравственно достаточно сильные и идейно выдержанные и активность их будет проявляться лишь бы у них была инициатива и предприимчивость и можно быть уверенным, что анархическое издание будет существовать и действовать благотворно на окружающую среду и будет полезно для пропаганды идей и для движения.

Любовь — сильнее жизни и находит дорогу для своего проявления. А анархисты влюблены в свой идеал и готовы пожертвовать для блага людей свою свободу и свою жизнь.

Поэтому лишь бы были анархисты, и анархическое издание будет обеспечено и будет выходить в свет, несмотря на все трудности и препятствия, которые смогут встретиться на пути.

**

Всякая идея может быть воспринята всяким человеком. Весь вопрос только в том, чтобы эта идея была преподнесена каждому человеку в доступной ему форме. Ибо в то время, когда один лучше воспринимает изложенное в научной и синтетической форме, другой лучше понимает изложенное в детальной и красочной форме, а третий ищет простое и ясное изложение фактов и данных и чтобы сама идея его заинтересовала и привлекла.

Помимо этого, необходимо всегда считаться со средой, подготовленностью и интересами той массы, среди которой хотят в данный момент распространить эти идеи. Где больше. Необходимо также считаться с психологией и со степенью развития и сознания людей. Ибо невозможно неосознанного еще рабочего заинтересовать аграрными или даже общечеловеческими вопросами, как невозможно заинтересовать малосознательного крестьянина или рабочего интересами культуры и цивилизации прежде, чем удастся пробудить в крестьянине и рабочем их человеческую личность, зажечь их чувства общечеловеческими стремлениями и помочь им выразить хотя бы примитивное представление о жизни и взаимоотношениях людей.

Вот почему всякая пропаганда должна быть применительна к той среде, тем условиям и к той подготовке, какой обладают личности той массы, в среду которой хотят нести эти идеи. И формы этой пропаганды должны, понятно, зависеть как от самих пропагандистов—их способностей, подготовленности и их личности, так и от среды, подготовленности и нравственного состояния массы.

Исходя из этих предпосылок, пропаганда идей на практике всегда разделялась: на агитационную работу среди совсем еще или мало сознательных людей и масс, будение чувств и пробуждение в каждом из них человеческой личности; на пропагандистскую работу среди осознавших уже свое положение людей и ищущих выхода из существующего ненормального общественного строя, внедрение в их сознание идей о возможности лучшего будущего, и основные положения, на которых может быть основано такое общежитие людей равных в довольстве и свободе; внедрение в их чувства новых этических положений: чувств взаимности, терпимости, взаимоуважения и любви к каждой человеческой личности и к ее жизни; и, наконец, на научно - теоретическую работу, на подготовку, из наиболее сознательных и из уже морально и нравственно определившихся, людей способных не только ак-

тивизировать эти идеи, но и углублять их, освещать их новым светом, обосновывать новыми данными и фактами и, в то же самое время, вносить и внедрять основные положения анархических идей в общечеловеческую философию, общечеловеческие знания, общечеловеческую культуру и цивилизацию, литературу и искусство.

Таковы были всегда и будут еще и теперь основные формы и методы анархической пропаганды. Агитационной работой всегда пробуждали умы и чувства в людях, а пропагандистской работой залагали фундамент анархической личности в человеке. Научно теоретической же работой создавали все то ценное, что имеется в сокровищах нашего движения и все то анархическое, что было внесено в общечеловеческую культуру и в общечеловеческие знания и понятия. Все то, что светлую живящую и украшающую струей выливалось и проявлялось в самых прекраснейших и бессмертных работах лучших гениев человечества в философии, науке, литературе, музыке и искусствах.

Но если в агитационной и пропагандистской работе имя этих работников — легион, то в научно - теоретической работе такие люди насчитываются единицами, и им анархизм обязан не только обоснованием идей анархии, и выработкой ей базы и фундамента, а еще внесением, в одной или другой форме, анархических принципов в науку, литературу и в искусство и анархических мыслей и чувств в общечеловеческую культуру и цивилизацию.

Но если на две первые формы анархической деятельности обращают внимание все анархисты; если агитация и пропаганда проявляют себя всюду и известны и интересуют анархические массы, то научно - теоретическая: разработка и обоснование анархизма, обращают на себя очень мало внимания. Только отдельные анархисты отдаются этой работе. И хотя все анархисты с охотой распространяют хорошие книги и серьезные журналы по анархизму, все таки большинство из

них относятся без должного внимания к научно - теоретической анархической работе вообще.

И поэтому-то так часто появляются в анархических рядах стоны «отсебятины», безграмотной «анархической» болтовни о многих вопросах, чтобы судить о которых нужно быть политически грамотным, иметь известную идейную подготовку и быть знакомым с накопленным опытом и практикой и научными изысканиями и работами по этим вопросам.

Многим почему то кажется, что достаточно быть способным повторить известное количество фраз слово анархия и употребить много громких, хотя и малограмотных и абсурдных фраз, чтобы уже претендовать на звание теоретика и обоснователя своего особого анархизма.

Это явление теперь стало прямо таки болезненным и всяк, кто горазд, часто даже и не мыслящий анархически, претендует вести анархистов по каким то новым путям, даже не дав себе труда познакомиться с теорией анархизма и с историей анархического движения и увидеть, что все то, что они несут к массам—старо и практически отрицаемо анархической мыслью.

Это ненормальное явление, создавшееся в анархическом движении, уже неоднократно и многих наталкивало на мысль с необходимости создания анархически - теоретического журнала, который был бы центром анархической мысли, служил бы для изучения анархических основоположений и разработки всех проблем, близкого соприкасающихся с анархической мыслью. А почти все общественные, индивидуальные и человеческие проблемы являются проблемами и анархическими.

Как мало еще сделано, например, в области изучения экономических форм взаимоотношений между людьми как и о возможности создания таковых взаимоотношений на новых индивидуально - социальных и антиавторитарных началах. А ведь для изучения таковой возможности необходимо создание и обоснование новой экономической науки: социальной экономики.

Ибо политическая экономия, ее принципы и основы не могут служить базой для анархически - экономических взаимоотношений. Да и в области истории анархической философии и истории анархизма и анархической мысли, анархических идей, морали и активности и анархически - общественной практики, как мало еще сделано!

Но анархизму нужны не мертвящие мысли и идеи ученых гробовщиков, а научные работники, способные мыслить здоровыми мыслями, видеть жизнь во всей ее наготе и пробираться мыслью не только в прошлое и настоящее, но и в будущее.

Разработка анархической мысли, обоснование идей и собиранье анархической практики — необходимы! Необходимы, ибо их потребность чувствуется на каждом шагу. Именно эта жажда знания и познания возможности лучшей жизни в людях дают возможность разным личностям использовать эти стремления в людях и проповедывать мысли и идеи ничего общего с анархизмом не имеющие, а часто даже и явно антианархистические.

Все это возможно только благодаря малосознанию широких анархических масс и отсутствию анархических изданий, где бы каждый мог почерпнуть нужные ему сведения в доступной ему форме. Но еще больше потому, что почти не имеется изданий, где бы сконцентрировались разработка и синтез анархической мысли и анархической деятельности.

В создании серьезных и научно - теоретических журналов, где бы все идеи, все новые мысли могли свободно и полностью освещаться и которые бы в то же самое время служили академией для анархических мыслителей и людей науки и школой для всех анархически - мыслящих людей без различия взглядов и направлений, чувствуется насущная потребность.

О такой необходимости говорилось уже неоднократно, говорится часто и теперь. Но все это были только пожелания отдельных товарищей. И их голос почти всег-

да заглушался взаимной убийственной борьбой, которой так отдались в последние годы и отдаются еще и теперь многие анархисты и анархически-мыслящие люди.

Необходимость в таких изданиях чувствуется насущная и неотложная. Реакция бушует во всех странах мира. Фашизм, классовый, национальный или расовый проникает глубоко в народные массы целого ряда стран. Большинство людей все еще преклоняются перед силой и насилием отдельных личностей.

Разочарование в демократических методах и в социально - демократических идеях и методах толкает широкие массы на полнейшее отчаяние, и они бросаются в объятия любой авантюре и любых авантюристов.

Но в глубине массового сознания вырабатывается полное отрицание всех старых устоев и вековых предрассудков. Фашисты своей пропагандой, сами того не сознавая, роют могилу существующему обществу, основанному на привилегиях, эксплуатации и власти.

И день всеобщего взрыва надвигается с невероятной быстротой. Вера в старое подkopана, моральные устои современного общества разрушены до основания. И в первый же момент взрыва народных страстей станет вопрос о строительстве нового общества, его устоях и его основных формах. И тогда массы будут действовать в соответствии с теми понятиями, с теми взглядами, которые будут иметь на жизнь и на общество и теми идеями, которые они почерпнут из окружающей среды теперь.

Вот почему серьезная разработка идей анархизма и анархической тактики так важна теперь. Особенно же важно, чтобы все усилия были направлены на выработку и разработку общих линий анархических основ и обоснование анархического поведения в будущей революции, которая будет социальной и анархической по сути, поскольку анархисты сумеют внедрить анархическое понимание и анархическое сознание в человеческие массы.

Вот почему также необходимо, чтобы все анархисты без исключения сделали эту инициативу своей. И если невозможно осуществить эту идею в интернациональном масштабе, то постараться осуществить ее пока на какомнибудь отдельном языке. Этот вопрос должен быть поставлен перед всеми анархистами, чтобы все они приложили свои усилия для претворения этой идеи в практическую жизнь. Этот вопрос необходимо выдвигать во всех анархических организациях, на всех съездах и стараться выработать практическую базу для создания таких научно-теоретических журналов.

Также необходимо, чтобы этот вопрос был поставлен на страницах анархической печати, и все анархисты, интересующиеся анархической мыслью, ее идеями и ее практикой были бы приглашены высказаться по этому вопросу, внести предложения и вырабатывать базы для таких изданий. Организации же анархические должны разрабатывать вопрос о материальных основах для этих изданий.

И лишь бы были люди, заинтересованные кровно в такой работе, и их осуществление и регулярное появление в свет будет обеспечено. А среди анархистов имеются люди дела и действия и, особенно, воля и желание действовать. Необходимо только пробудить эту волю и объединить ее вокруг этого дела.

Создание такого журнала — единственный путь для углубления анархизма и выработки серьезного отношения к анархическому идеалу; единственный способ практического изучения анархической мысли и активности и единственная возможность обогатить опыт и познание анархистов в этой области, и положить предел братоубийственной борьбе среди анархистов, которая есть не больше, как следствие отсутствия твердого анархического фундамента и анархической морали во многих и многих, которые вошли в анархическое движение прежде, чем успели вполне определились и выработать в себе свою личность.

Понимая этого, тесное взаимное сот-

рудничество, взаимная терпимость и общая работа по углублению анархических идей сблизит анархистов между собой, и общий интерес положит конец братоубийственным распрям, и начало взаимопониманию анархистов между собою, несмотря на все возможные между ними расхождения в одних или других вопросах, если они только не перестанут быть анархистами вообще.

Такие анархические журналы, которые были бы академиями для товарищей со знаниями и школами для всех анархистов — крайне необходимы и чувствуется сей-

час уже всеми. И работа по их созданию должна стать работой всех анархистов и анархически и честно-мыслящих людей. Необходимо только, чтобы был сделан первый практический шаг по этому пути, и нет сомнения, что эта инициатива найдет широкий отклик во всех анархистах, во всех анархически - мыслящих и анархически - чувствующих людях.

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Буэнос Айрес,
октябрь 1933 г.

Долой войну да здравствует любовь

Если бы армии всех стран
Подали друг другу руки
И солдаты направили свое оружие
Против своих же офицеров;
Если бы машины знали, что они существа
живые
И новобранцы помнили о своих сестрах и
матерях,
Если бы эти люди—пушечное мясо
Меньше думали о Родине и Патриотизме
И поняли б, что они не больше, как звук
пустой,
Нужные для тех, кто фабриками и землей
владеют,
А для масс людских лишь—смерть, чахот-
ка, безработица и нищета;
Если бы войны прошлые хоть чему нибудь
человека научили
И орудия слепые имели-б душу, чтобы
взбунтоваться,
Тогда человек не был бы больше зверем
для человека
И молодые, радостные и полные жизни
новобранцы,

Свои жизни отдающие лжи, религии и патриотизму,
Были бы свободными и мыслящими существами
И повернули бы свои орудия против своих же палаток,
А не убивали бы своих же братьев и сестер другой страны.
И радостно вернулись бы, как сыны одной земли,
К станкам и сеялкам, на фабрике, где движутся машины творческие
И новую жизнь творили бы для всех людей.
Они бы в общей радости и довольстве
Искали радость и счастье для себя и всех людей,
И зычным голосом объявили б миру: Долой войну! Долой кровь и смерти!
Да здравствует жизнь, радость и любовь над всей землей!

Анатолий Горелик.

Буэнос Айрес,
июль 1933 г.

Резолюции и решения конференции групп «Пробуждения», состоявшейся в Нью Йорке 31 декабря 1933 года

На конференции присутствовало 10 делегатов, представлявших 6 городов; из 11 городов, вместо делегатов, были письменные решения.

ДОКЛАДЫ С МЕСТ

НЬЮ-ПОРК. Кругок Друзей Свободы. Количество членов непостоянное вследствие того, что некоторые товарищи вынуждены в поисках работы переезжать из города в город. Кругок ведет культурно-просветительную работу, помогает изданию журнала, взымает членские взносы в сумме 50 с. и высылает в Федерацию. Оказывает также помощь музею имени Кропоткина в Москве.

НАУРК. Группы пока нет. Ведется общая — идейная и культурно-просветительная работа. Оказывается помощь журналу. Журнал до сих пор распространялся слабо по той причине, что он мало доступен широкой публике. Работе в массовых организациях уделяется максимум внимания. Депрессия — большое препятствие для идей организационной работы. Но товарищи не падают духом.

Е.ИЗАБЕТ. Группы нет. Работа общая — идейная и массовая. Помощь журналу всегда оказывалась. Распространение журнала неудовлетворительно. Причина: безработица и отвлеченный характер статей в журнале.

БАЛТИМОР. Общество Самообразование. Общество ведет общую работу на ниве прогресса и торжества наших идей. Практикуется участие в массовых организациях. Оказывается посильная помощь журналу в смысле его распространения и финансирования.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ. Группа «Пробуждения». Группа организована недавно. Члены работают активно, распространяя журнал и содействуя ему материальной поддержкой. Можно надеяться на хороший успех.

ДЕТРОИТ. Профеоюз. Культурная работа ведется широко. Лекции устраиваются совместно с другими организациями чуть-ли

не каждое воскресенье. Союз много внимания уделяет изданию журнала. Завязывает связь со старыми товарищами, живущими за-границей. Идейные вопросы играют важную роль в Союзе.

Отчет Федерации групп «Пробуждение»
ПРИХОД: 11 мая 1933 г. — 15 октября 1933 г. \$2,130.97
РАСХОД: 2,150.46
 Дефицит 19.49
 Долг т. П. К. (взято займообразно) 40.00
 Всего дефицита 59.49

Чтение корреспонденций.

РОЧЕСТЕР. Группа Свободы рекомендует: регулярное ежемесячное издание «Пробуждения»; организацию анархических групп; издание литературы; поддержку американских анархических изданий; связь с анархистами в России.

ЧАДАМ, КАНАДА. Тов. М. рекомендует: посылать подписные листы на места для сбора пожертвований на журнал; почаще присылать лекторов и анархическую литературу.

ЭМБРИДЖ. Группа рекомендует: объединение и дружную работу всех анархических групп на благо движения.

НИАГАРА-ФОЛЛIS. Тов. М. рекомендует: успешное разрешение всех вопросов, стоящих в порядке дня, и тесное сплочение вокруг журнала.

ФОРТ МОРГАН, КОЛ. Тов. Г. желает объединения всех наших идейных сил в одну братскую семью.

НЬЮ КЕСТЛ. Па. Группа Русских Рабочих рекомендует: почаще посылать лекторов для чтения лекций по анархизму; созывать районные собеседования.

КЛИВЛАНД. Группа рекомендует: меньше споров, больше плодотворной работы.

БОСТОН. Группа рекомендует: покороче

статьи в журнале и хронику международного движения; повысить цену на журнал, не разжигать фракционных споров; создавать массовые организации и кружки молодежи; вести борьбу против большевиков и фашистов.

ГАМИЛЬТОН, КАНАДА. Группа рекомендует: продолжать издание журнала и существование Федерации; усилить сбор по подписным листам; усилить нашу идейную работу; посылать лекторов в объезд; не поддерживать тех печатных органов, которые секют раздор.

КУБА. Группа приветствует конференцию и желает ей успешного разрешения всех вопросов.

ВИНДЗОР, КАНАДА. Союз Самообразование рекомендует: систематизировать и усилить нашу работу; журнал—популяризовать помещением статей на злобу дня и изложением в общепонятном виде нашей программы; устраивать (где можно) предприятия в пользу журнала; уделять больше внимания украинскому анархическому движению; переиздать книгу Л. Черного на английском языке и некоторую нашу литературу — на украинском языке; быть в контакте с американским анархическим движением; кооперировать с беспартийными организациями и внедрять в них наши идеи; на нападки некоторых фракций отвечать отдельными брошюрками; вести беспощадную борьбу с большевиками и фашистами.

О Федерации групп «Пробуждение»

Конференция нашла нужным присоединить к этому вопросу еще один вопрос, поставленный в порядке дня: «О создании групп и массовых организаций». После всестороннего обсуждения этих двух вопросов конференция пришла к следующему решению: Федерация необходима. Существующие уже группы теснее спаять в одну идейную семью. В тех городах, где нет групп, приложить все усилия к созданию таковых и привлечению их в Федерацию. В Федерацию могут входить не только группы, но и отдельные товарищи, живущие в тех местах, где создание группы невозможно. Взаимная терпимость счита-

ется наилучшим залогом преуспеяния и процветания, как отдельных групп, так и Федерации в целом. Каждый член может работать согласно своим способностям, но с тем условием, чтобы его работа не вредила анархическому идеалу. В вопросе о подходе к массам одного метода не может быть. В каждом городе следует избирать такой метод, который больше всего отвечает создавшимся жизненным условиям. Где можно—нужно вступать в существующие уже массовые организации, где нельзя вступать в такие организации—нужно работать самостоятельно. Но в том и другом случае, необходима тесная связь и спаянность между группами и отдельными товарищами. Членские взносы не менее 25 с. в месяц. Название Федерации: прежний подзаголовок в журнале — Орган Федерации групп «Пробуждение» Соединенных Штатов и Канады — решено заменить следующими: **Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников Соед. Штатов и Канады**. Место Федерации: Детройт.

О журнале «Пробуждение»

Где и как издавать журнал: Редакция журнала остается в Детройте.

Направление и содержание журнала:

Направление анархо - коммунистическое. Содержание журнала желательно оживить. Все товарищи, интересующиеся журналом и умеющие излагать свои мысли на бумаге, приглашаются посылать свои статьи в журнал. Весьма желательно иметь в журнале специальные отделы, как то: хронику международного рабочего движения, исторический отдел, литературный, сообщения с мест, отклики на злобу дня и т. д. Передовая статья должна быть в каждом номере.

Распространение и финансирование журнала:

Все, кому дорого анархическое движение, должны как можно шире распространять журнал, подыскивать новых подписчиков, собирать пожертвования и т. д.

О сотрудниках:

В число сотрудников приглашаются

все идейные товарищи, как живущие в Соединенных Штатах, так и за-границей. Некоторые товарищи, лично присутствовавшие на конференции, изъяснили свое желание посылать в журнал материал.

О дальнейшей нашей работе

Вопрос снят с очереди, так как об этом говорилось при обсуждении вопроса о существовании Федерации и создании групп и массовых организаций.

О раз'езде лектора

Принимая во внимание, что агитация и пропаганда наших анархических идей находится в заброшенном состоянии, — конференция считает особенно важным устройство лекций и докладов по районам. При первой возможности необходимо посылать лектора или докладчика во все города, где есть наши группы и отдельные товарищи. Расходы по устройству лекций или докладов должны оплачиваться на местах.

Об издании нашей литературы

По силе возможности необходимо издавать небольшие брошюры из тех статей, которые печатаются в журнале, и распространять их среди трудовой колонии по общедоступной цене.

О связи с Россией

Весьма желательно завязать связи с нашими идейными товарищами, живущими в России, но при этом следует соблюдать крайнюю осторожность.

О помощи политическим заключенным

В виду того, что количество арестованных наших товарищей с каждым разом увеличивается, необходимо усилить сбор пожертвований политическим заключенным в России и др. странах. (После заседания конференции, среди присутствовавших делегатов было собрано 11 долл. 75 с. в пользу арестованных анархистов в Испании).

Отношение к «Мэн», «Фридом», и «Авангард»

Наше отношение ко всем этим идейным органам, издающимся на английском

языке — дружественное. Конференция рекомендует читать эти органы и содействовать их успеху.

Наше отношение к «Делу Труда»

Наше отношение к «Делу Труда» остается отрицательным до тех пор, пока журнал не прекратит полемических нападок и не примет надлежащего анархического вида. Вступать в полемику с «Д. Т.» конференция считает недостойным анархической этики.

Об организации молодежи

Обязанность старших знакомить нашу молодежь с существующими кружками американской молодежи, в которых преобладают анархические взгляды. Таковые кружки имеются и издают свой орган «Авангард».

Наше отношение к партийным и безпартийным организациям

Отношение к партийным организациям всегда было отрицательным; таким оно и остается. Отношение к безпартийным организациям необходимо базировать на принципе взаимного кооперирования. Вступать в контакт с такими организациями можно, но с таким расчетом, чтобы это не приносило ущерба для нашего идеала. Предохранительным средством в этом отношении может служить спаянность всех наших товарищей.

Наше отношение к Аршинову и его единомышленникам

С тех пор, как Аршинов перешел к большевикам, он фактически порвал всякую связь с анархическим движением. Его дальнейшее выступление от имени анархизма является в сущности самой обыкновенной провокацией, рассчитанной на то, чтобы заводить других в заблуждение. Мы, поэтому считаем своим долгом не только вести самую беспощадную борьбу с подобными лицами, но и разоблачать их на каждом шагу.

Наше отношение к большевикам и национал-фашистам

Отношение наше к большевикам и

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

РАБОЧИЙ СОЮЗ «САМООБРАЗОВАНИЕ» ГОРОДА ВИНДЗОРА И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Наш союз, после тяжелых прошлых лет трудов, решил подвести итоги своей работе за прошлый 1933 год. Несмотря на такое трудное время — безработицу, наш союз не жалея ни сил, ни времени сделал небольшую, но необходимую работу.

Начиная с января месяца прошлого года и кончая последними числами декабря, мы устроили 11 массовых выступлений, на которых присутствовало от 300 до 900 человек.

Эти наши массовые выступления являлись свободной трибуной, где предоставлялась возможность в дискуссиях выступать всем без различия их политических и религиозных убеждений. Ибо проповедуя справедливость, мы никогда не боялись возражений и критики каких бы то ни было политических партий и их вождей.

Благодаря такому подходу к разрешению социальных проблем, Союз «Самобразование» завоевал широкие симпатии

национал-фашистам всегда было, есть и будет отрицательным. Мы считаем большевиков и фашистов самыми злейшими врагами свободы, поэтому борьба с ними всегда должна стоять на первом плане.

Наше отношение к газете «Рассвет»

Конференция считает газету рабочей, заслуживающей поддержки, но при условии, чтобы редакция «Рассвета» не помещала статей, противоречащих анархическому учению, а также делала бы примечания к тем статьям и корреспонденциям, которые могут ввести читателей в заблуждение.

Доклад сметной комиссии.

Сметная комиссия доложила, что расходы по созыву конференции выразились в сумме 9 дол. 12 сен. на каждую группу, приславшую своих делегатов.

среди трудовых масс, которые с жадностью прислушиваются ко всякому нашему выступлению.

Наши лекции, доклады и митинги в продолжение целого года проходили в следующем порядке:

1) Лекция на тему: «Кризис и безработица» была прочитана 8 января. Посетителей было более 400 человек.

2) «Экономические учения марксизма и анархизма» состоялась 5 февраля при 350 слушателях.

3) «Война, ее причины и последствия» состоялась 12 февраля. Посетителей 300 человек.

4) «Почему мы, анархисты, не соглашаемся с большевиками?» состоялась 12 марта. Посетителей около 500 человек.

5) «Технократия и безработица» состоялась 17 марта. Была прочитана Яковом Марголисом из Питтсбурга на английском языке. Посетителей — 350 человек.

6) Митинг протеста против большевистского террора и людоедства в СССР состоялась 16 июня. Посетителей более 500 чел.

7) Доклад «Что я видел в СССР» прочитал 1-го июля Лосинский, бывший член большевистской организации, побывавший в СССР в качестве спеца 1½ года. Посетителей было более 300 человек. На этом докладе произошла драка с большевиками.

8) Интернациональный митинг протеста против большевистского террора в СССР, устроенный при участии английских трейд-юнионов, состоялась 21 июля. Посетителей — 900 человек.

9) Лекция: «16 лет большевистской инквизиции» прочитана Марголисом на английском языке 11-го сентября. Посетителей было около 450 чел.

10) Доклад: «О пятилетнем плане большевиков» прочитан на английском и русском языках спецами, вернувшимися из России, Вильямом Трееси и Иваном Васильевым 5-го августа. Посетителей было около 400 человек.

11) Лекция «Что дала Русская револю-

ция рабочим и крестьянам» прочитана Михайловым 24 декабря. Посетителей — 350 человек.

Подводя итоги сделанной работе за год, русский рабочий союз «Самообразование» выражает сердечную товарищескую благодарность всей виндзорской колонии за такое массовое посещение наших лекций, митингов и докладов, а также за материальную помощь, на которую так горячо откликнулась вся колония города Виндзора и окрестностей.

Мы также благодарим всех докладчиков и лекторов за их безвозмездный труд на благо всеобщего просвещения и освобождения.

В заключение хочется сказать, что в текущем году, при поддержке всей нашей колонии, мы пойдем дальше и дальше. Путь наш тернист и труден, но он верен! И только этим путем мы достигнем нами давно желанной цели — Свободы и Справедливости!

Рабочий союз «Самообразование»

Секретарь К. Ги—н.

Г. Виндзор, Канада.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ АНАРХИСТОВ В СОВ. РОССИИ

Анархисты Александров, Махонин и Сильвестров снова арестованы и заключены в «полит-изолятор». Все трое отбыли долгий срок на Соловках.

Кологрив и Личевский отправлены в новую ссылку. Кологрив вернулся в Россию из Америки в 1921 году, чтобы там отдать свои силы на служение рабочему делу. Он поступил в Киев на службу — кочеторщиком на станции Киев товарный — и вскоре завоевал уважение своих сослуживцев. Но ГПУ точила на него зуб, так как он не хотел отречься от своих анархических убеждений. Начались всяки незлые придирки. Однажды его обвинили в краже нескольких фунтов сахара. Расследование обнаружило, однако, его полную невиновность, и рабочие, хорошо понимавшие, где собака зарыта, стали относиться к нему с еще большим уважением. Тем ненавистнее сделался он

всемогушему ГПУ. Когда Кологрив и Давид Личевский были призваны на военную службу, оба заявили, что по своим убеждениям никогда не примут участия в войне. Этого было достаточно, чтобы ГПУ, без всякой лишней процедуры, выслало обоих в Архангельск. Кологрив оставил в Киеве детей, в крайней нужде. Личевский работал в Киеве в булочной. После его высылки, булочная готова была взять на работу его жену. Но комитетка наложила свое вето и предоставила женщине с детьми погибать от голода.

Судьба Куманова и Кордао — еще более трагична. Куманов подвергается жестоким преследованиям уже свыше 10-ти лет, из коих 5 он провел на Соловках. Кордао провел 10 лет на Соловках и вышел оттуда инвалидом. После всего, что оба они уже перенесли, их недавно снова арестовали (в ссылке) и посадили на неопределенное время в тюрьму — в какую именно, еще не удалось выяснить. В чем же состояло их преступление? В том, что и тот и другой обменивались несколькими письмами с товарищами за-границей. Этого достаточно сейчас в России, чтобы люди были посажены под замок.

В Симферополе, по неизвестным мотивам, снова брошен в тюрьму Н. Беляев и О. Рыковский, отбывшие не так давно тюремное заключение и проживавшие там в качестве ссыльных.

Следующие анархисты отправлены в ссылку: Егоров, Юрченко, Архангельский, и Раевский — в Енисейск; Плутников — в Центральную Азию; Шульман — в Белгород; Блюмин и Макарянц — в Тобольск; Рувимский, Немеричкая и Анатолий Консе — в Курск. Т. Михайлов — переведен в Орел.

Николай Рогдаев, по отбытии трех-летнего заключения в Суздальском полит-изоляторе, сослан в Ташкент (Туркестан).

Владимир Бармаш отбыл три года заключения в Верхне-Уральском политизоляторе и сослан на три года в Енисейск (Сибирь).

И. Хархардин, после трех лет заклю-

чения в Суздальском политизоляторе, сослан в Альма-Ата (Туркестан), на три года.

Эти три анархиста вышли из тюрьмы тяжело больными и сейчас, вместо лечения, обречены на многие годы лишений в суровой ссылке.

Проф. А. Боровой окончил три года ссылки в Вятке и вновь приговорен к ссылке на тот же срок.

В. Худолей, по окончании 3-х-летнего заключения в Суздальском политизоляторе, сослан на три года в Алтай.

Андрей Андреев отбыл три года ссылки в Новороссийске и получил новые три года в том же городе.

Иловайский, после 3-х летней ссылки в Оренбурге, вновь сослан на три года в Орел. Очень болен.

Мария Петросова отбыла 3-х летнюю ссылку в Енисейске (Сибирь) и получила новые три года в том же городе.

Проф. А. Солонович (из Кропоткин-ского музея) уже два года в тюрьме. Приговорен он к пяти годам заключения.

За последнее время умерли от тяжелых болезней, приобретенных в большевистских тюрьмах и местах ссылки:

1. Наумов — в Томске, 2. Макаров — в Обдорке, 3. Дора Степная — в Москве, 4. Клавдия Логинова — в Ирбите, 5. Борис Гуревич — в Харьковской тюрьме (обстоятельства его смерти загадочны, так как он не был болен), 6. Сын Клары Фермер — в Сталинграде, 7. Елена Канашевич — в Кудымгоре.

Международный Комитет Защиты Анархистов в Брюсселе уведомил анархистов всех стран об освобождении из Соловков и высылке в Астрахань итальянского анархиста Альфонсо Петрини. Секретарь Комитета Защиты, Хэм Дэ, справедливо замечает по этому поводу: «Как может правительство, именующее себя «рабочим», оправдать заключение в тюрьму и ссылку, без всяких оснований, товарища, нашедшего себе в этой стране политическое убежище? Как может это правительство покрывать позорным молчанием самые гнусные инсинуации, распространяемые об

этом товарище пресмыкающейся печатью?»

«Рабочее правительство?!» Какая нелепость! Это «бучка запутавшихся доктринеров, давно выродившихся в банду безсовестных эксплуататоров и цепляющихся всеми средствами за власть».

ПИСЬМО ИЗ СССР

В Америке сейчас честным людям живется далеко не весело, и экономический кризис, эта, поистине, головокружительная кривая в процессе исторического развития капитализма, дает себя тяжело знать не одному только пролетариату, но и интеллигенции и мелкой буржуазии. О крупной буржуазии я здесь не говорю; ибо частые банкротства и связанные с ними разорения и самоубийства целого ряда запутавшихся дельцов и хищников из стана банковского и промышленного капитала в счет не идут; во всяком случае в общей сумме народного несчастья они играют двусмысленную и ничтожную роль. Мне кажется, что из тупика, в который г. г. капиталисты или, выражаясь точнее их замечательная система политической экономии загнала много наций в нищету, существует только один выход: организация народного хозяйства с помощью добровольных профессиональных объединений трудящихся на совершенно новых более рациональных и свободных началах.

Обанкротившаяся политическая экономия должна уступить место нарождающейся социальной экономии, которая определяет степень цивилизации не столько самодовлеющей организацией производственных средств, сколько разумной системой в распределении произведенных продуктов.

Однако, точно ли пролетариат организационно подготовлен и идейно и технически вооружен для осуществления грандиозной и в высшей степени ответственной задачи великого socio-технического строительства, — сейчас, разумеется, еще трудно сказать, и вероятно всего, что на этот вопрос можно будет с уверенностью ответить только в будущем. А пока, конечно, все затруднения агонизирующего капита-

лизма в первую голову тяжело отразится на положении трудящихся, которым согласно освещенной буржуазным законом и моралью традиции, всегда приходится делить все неудачи и поражения капитализма, совершенно не принимая участия или принимая весьма незначительное участие в материальных успехах и «победах» гг. капиталистов.

Но все же, пятнадцать миллионов безработных, каково! Ведь это целая ко-лоссальная армия обойденных и обездоленных, выброшенная капиталом на улицу и в силу необходимости организующаяся отнюдь не для защиты своего «отечества».

Судя по размерам охватившей нашу страну безработицы нельзя не признать, что Америка действительно страна исключительно грандиозных масштабов! И подумать только, что все эти выброшенные на улицу истые труженики при условии известной сплоченности, личной инициативы и воли к победе могли бы перевернуть вверх дном не только Америку, но и целый мир, и что вместо мужественной и героической борьбы за свои насущные нужды и человеческое достоинство, эти люди предпочитают жить где-то на задворках капиталистического мира, терпеть ужасающую повседневную нищету и голод и осмещать свои беспросветные и безрадостные дни тусклой надеждой на возможность «просперити».

Поистине, наблюдая жизнь множества людей по-неволе приходишь к безотрадному выводу, что человек отличается от животного не столько своим умом, сколько своим терпением. И недаром в свое время вечный бунтарь и апостол разрушения Михаил Бакуини так негодовал на проклятое народное терпение.

О смерти Малатесты я узнал свое-временно из советских газет. Да, его смерть для всех нас невосприимчивая у-тата. Можно, конечно, не соглашаться с некоторыми его идеями и воззрениями или целиком отвергнуть их. Я лично, например, весьма сомневаюсь в том, что-

бы преимущественно на чувстве социаль-ной симпатии и альтруизма возможно бы-ло бы построить разумную систему соци-альной экономики. Мне кажется, что в основание нормального типа общества дол-жен быть положен здоровый и жизнедея-тельный человеческий эгоизм, а не отвле-ченные понятия социального долга и са-моотверженности. Ибо в общество чело-век вступает с чисто утилитарными целя-ми, рассчитанными, главным образом, на то, что общественные условия создадут для него соответствующую обстановку, благо-приятствующую процветанию его индиви-дуальной жизни, при чем вступающий в общество вовсе не предполагает, что ему придется отказаться от своего личного эго-изма ради эгонизма большинства.

Подобного рода благотворительная и фи-лантропическая общественность, по моему мнению, противна человеческой природе и оскорбительна для разума самостоятельного индивида. В соответствии с высказан-ным выше я полагал бы вполне умест-ным заменить несколько неопределенный и этически утрированный принцип «с каж-дого по его способностям и каждому по его потребностям» новым более эгоистическим и целесообразным принципом, который гла-сит: «с каждого по его желанию и каждо-му полный продукт его труда».

Однако, все свои разногласия с покой-ным Малатестой никогда не препятствова-ли мне оценить по достоинству его пря-мую, благородную и героически - целеу-стремленную натуру, а также и глубокую искренность и неподкупность его убежде-ний. Этот неутомимый старик чудодейст-венным образом умел претворить свои ма-тежные идеи в жизнь. Его дела всегда следовали за его словами, ибо он, как никто другой, превосходно понимал, что мысль не должна искать своего оправда-ния в словах и что оправдать мысль воз-можно не на словах, а на деле.

Также превосходно понимал он, что красота не ищет своего оправдания в сло-вах, так как она заключается не столько в человеческих словах, сколько в делах

и что поэтому безделье никогда не станет слугою прекрасного, а труд и творчество наилучшим образом утверждают красоту в этом мире. И разве величественная, мятежная и полновзвучная жизнь Малатести не наполнена до краев кипучей и неизсякаемой деятельностью; разве сама эта деятельность не походит на тот не требующий никаких похвал и наград житейский подвиг, который может совершить только большой человек ради большого дела, и, наконец, разве во всех деяниях этого великодушного человека, чистых и прозрачных, как стекло, не отражен верно свет его идей, всегда глубоко человеческих, вдохновенных и правдивых.

Кто много делает для жизни, жизнь того не окажется бедной, и, действительно, жизнь нашего достопочтенного старика, прерванная ныне смертью, должна рисоваться опечаленному воображению его друзей и поклонников сказочно богатой и ослепительно блестящей, но не ложным блеском злата, которое наш старик не любил и презирал, а светом благосклонной человеческой любви и сочувствия ко всем угнетенным и обездоленным мира, которых он, непримиримый бунтарь, не уставая призывал к завоеванию собственного счастья и свободы, призывал не только на словах, но и всем примером своей героической мятежной жизни.

Трагическая смерть Марии Корн взволновала меня. Я не сомневаюсь в том, что она приняла яд уже после того, как нездоровая атмосфера полицейского насилия и казарменного гнета, которые чувствуются даже на территории «прекрасной» Франции, отправили ее беспокойную, мятущуюся душу. Я уверен так же и в том, что Мария Корн знала, что единственное противоядие против ядовитого дыхания реакции — революционная борьба, но, возможно, что сил на такую борьбу у нее не хватило, и вот в результате еще один самовольный уход из жизни.

Постараемся же поскорее похоронить дорогих мертвецов, скорбя о них, но не осуждая их, ибо кто решится на самопре-

ступление не из-за случайной прихоти или мелочного расчета, но вследствие трагического несоответствия окружающей обстановки с личным идеалом жизни, с лучшими представлениями о ней, тот поступает, может быть, несколько сурово, но не совсем неразумно. Ведь жизнь может нормально и гармонично развиваться только в атмосфере свободы и счастья, или, на худой конец, в борьбе за личную свободу и счастье.

Лишенная этих могущественных жизнетворческих стимулов быстро обесцвечивается, теряет свои яркие краски; она уже больше не удовлетворяет и не радует нас; она начинает походить на тот тягостный и бесполезный груз, влячить на себе который приличествует более скотине, нежели человеку. Не будем же читать моральных сентенций над этой свежей могилой, ибо они при данных обстоятельствах будут звучать неубедительно и пошло.

Однако, не станем больше толковать о мертвых, давайте лучше поговорим о живых, так как жизнь все-таки по праву принадлежит последним.

Прежде всего, позвольте поздравить Вас с теми успехами в издательской деятельности, о которых Вы с достойной подражания скромностью поведали в своем письме. Наладить в наше «безпокойное» время серьезный теоретический журнал и выпускать его к тому же регулярно — это уже большая заслуга перед самим собой и перед другими, и Вы и же с вами можете вполне справедливо гордиться достигнутыми результатами. Будет весьма приискорбно, если усугубившийся кризис дурно отразится на делах вашего журнала, и Вам по-неволе придется на время прекратить выпуск с таким трудом налаженного издания. Все же хочется надеяться, что Ваше издательство успешно справится со своими затруднениями, и Ваш почтенный орган будет выходить в свет более или менее регулярно. С своей стороны разрешите пожелать Вам всяческих успехов в Вашей живой и плодотворной деятельности.

(Подпись).

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАБОТЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Учение анархизма в общем и целом ставит своей задачей разрешение вопроса о взаимоотношениях личности и общества. Свободная личность в свободном обществе — таков должен быть ответ. Но для того, чтобы человек был свободен, необходимо воспитать его в таком духе. Для этого следует обратить некоторое внимание на юношество, следует подойти к молодежи.

Подход к молодежи должен быть строго продуман. Молодежь существует физически и морально в семье, школе, на фабрике. Но, благодаря свойственной ей впечатлительности, она может легко проникнуться высокими порывами. Среди молодежи сторонник свободной идеи должен завоевывать своих последователей. Как же подойти к ней? Нужно познакомиться с ее интересами. Новые веяния в искусстве, героические моменты творчества молодой фантазии — все должно быть учтено и использовано. Вместе с тем необходимо выяснить разницу между отношением к молодежи анархистов и любой политической партии.

Всякая партия зовет юношество на борьбу за ее дело, тогда как анархисты призывают его к свету, знанию, красоте и свободе. Абсолютно свободный человек в обществе таких же свободных и равных ему людей — это ли не идеал всякого юноши?

ПАВЕЛ ГАР.

АНАРХИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

На английском языке:

"Man", 1000 Jefferson st., Oakland, Cal
"Freedom", P. O. Box 111, Station O,
New York, N.Y.

На болгарском языке:

«Мысль и Воля», Бул. Фердинанд, 25—
София1.
BULGARIA.

«Работническа Мисль», Тотлебен, 79
София, VI.
BULGARIA.

На литовском языке:

«Рабочая Правда»,

НА ПОМОЩЬ «ПРОБУЖДЕНИЮ»

С первого дня появления «Пробуждения» в свет, мы испытывали и испытываем нужду, если не в моральном, то материальном отношении. Если были средства, то не доставало материала. Касса наша в настоящее время пуста. Поэтому мы считаем своей моральной обязанностью напомнить всем группам, союзам и отдельным нашим товарищам поспешить с присылкой вырученных денег за журнал «Пробуждение».

Товарищи, нужна немедленная помощь нашему органу «Пробуждение». Необходимо, чтобы каждая группа, союз и отдельный товарищ призадумался над этим важным вопросом и постарался посылить помощь «Пробуждению». Необходимо создать постоянный фонд для журнала. Необходимо, чтобы каждая группа, союз, каждый рабочий, сочувствующий безвластия, создал этот фонд. Устраивайте предприятия, вечеринки, добровольный фонд, собирайте деньги по подписным листам — всеми силами старайтесь собрать средства, чтобы «Пробуждение» выходило регулярно. От всех групп, союзов и отдельных товарищей зависит дело выхода журнала регулярно. Мы убедительно просим всех нас, не откладывайте этого дела в долгий ящик.

Секретарь «Пробуждения».

E. Zeballas, 527, Avellaneda
ARGENTINA

На французском языке:

"La Revolté" et "Temps Nouveaux"
J. Grave, a Robinson, par Sceaux(Seine)
FRANCE.

На испанском языке:

"Redaccion la Revista", Blanka 37 calle
de Barcelona., SPAIN.

На итальянском языке:

"Ladunata Dei Rejrattari"
Box 1, Sta. 18—Newark, N. J.

На еврейском языке:

"Freie Arbeiter Stimme"
45 W. 17th St., New York. N. Y.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.